

Наталья Новохатская

Зима в зеркалах

четвертая книга из серии
«Гобелен с пастушкой Катей»

Наталия Новохатская

Гобелен с пастушкой Катей.
Книга 4. Зима в зеркалах

«Aegitas»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

Новохатская Н. И.

Гобелен с пастушкой Катей. Книга 4. Зима в зеркалах /
Н. И. Новохатская — «Aegitas», 2020

ISBN 978-0-3694-0117-5

Легендарные 90-тые годы продолжались так же интенсивно, как начались, агентство «Аргус» продолжало действовать, а компаньоны Валентин Оболенский и Катя Малышева вынуждены были помириться после затяжного кризиса в производстве. Кризис произошел после дерзкого самоуправства Кати – так упорно считал Валентин, а она не могла понять, чем он недоволен. Тем не менее очередное сложное дело сначала завело обоих в лабиринт непонятных обстоятельств, затем заставило действовать сообща, а под конец выявило более чем странный результат. Валентин пришел к выводу, что в ужасной путанице виновата Катя, а она почти не отрицала.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-0-3694-0117-5

© Новохатская Н. И., 2020
© Aegitas, 2020

Содержание

Часть первая	6
Наземная станция	6
Снежным утром...	9
Домашние сюрпризы	13
Разбор полетов на кухне	17
Наконец упоминается имя	24
В поисках улики и консультанта	30
Часть вторая	38
Вечер в особняке	38
Комментарии от Екатерины Малышевой (Е.М.)	40
На пути порока	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Наталья Новохатская

Зима в зеркалах

© Новохатская Н.И., 2020

© Издательство «Aegitas», 2020

Часть первая

Наземная станция

Пока она катилась стремительно и беспомощно вниз по крутому снежному склону в полной темноте, мысли крутились и летели, как соломинки на ветру. "Отпустили, бросили... Куда я упаду, неважно, главное отпустили..." Руки цеплялись за сухие ветки или траву, скользили по ледяным кочкам, замедляли падение. Всем телом и даже пуховым пальто она ощущала, как скорость выдыхается и вот сейчас...

Она ткнулась ногой во что-то твердое, услышала хруст щиколотки, и боль остановила движение. Но темнота продолжалась, хотя преграда зрению чувствовалась неполная, неудобная, скорее неприятная. Раньше, чем она сообразила, почему ничего не видит, свободные руки сдернули с головы мерзкий колпак, и ночь замерцала темным светом и отдаленным заревом.

"Теперь нога, надо посмотреть, что с ногой," – подумала она, но вдруг из темноты справа (или слева) в отдалении выплыли два электрических глаза и медленно стали расти. Одновременно она поняла, что почва под ней подрагивает, а поврежденная щиколотка мелко трясется вместе с твердым предметом, на который наткнулась.

Догадка возникла не в мозгу, а в руках и ногах. Прежде чем сознание освоило информацию о летящем на нее поезде, тело пришло в движение и стало карабкаться вверх по крутому склону, с которого только что скатилось. Сухие стебли оказались отличным подспорьем, за них сподручно было цепляться и подтягиваться. Боль в ноге послушно утихла и не мешала движению вверх, осталась лишь малая слабость в суставе. Еще один рывок, и она оказалась почти в безопасности – окна электрички вплотную приблизились, но между ней и поездом оказалось спасительное пространство, наполненное гулкой вибрацией.

Аквариумы вагонов медленно плыли мимо глаз, было видно, как люди плавно покачиваются на сиденьях, прислоняются к поручням, читают стоя или сидя. Народу было немного, это, конечно, были вагоны метро, вовсе не электричка, значит, какие-то наземные линии. Никто изнутри ее не видел, поезд тихо проехал мимо и встал вблизи, там, очевидно, располагалась станция.

"Если бы хотели сбросить под поезд, то подождали бы, пока подошел поближе," – размышляла она, сидя на снегу среди засохших трав, – "Значит, действительно выбросили, а если поезд переедет – то не они виноваты, пожалуй что так. Но об этом позднее, сейчас надо выбирать, а думать обо всем потом. Сначала нога..."

Не сходя с травяного насеста, она попробовала подвигать ступней, оказалось больно, трудно, но возможно. Скорее всего, перелома не случилось, иначе было бы больнее. Возможности передвижения, хоть ограниченные, но имелись. Теперь надо было двигаться к выходу, брести до станции или выбираться за ограждение, оно виднелось на фоне темно-синих небес и отдаленного свечения домов над головой. Но поначалу она проверила имущество, которое скатилось вместе с ней на рельсы.

О предшествующих моментах она старалась не думать, пока не выберется, оно было не слишком трудно, поскольку то, что с ней случилось ни в какие рамки не укладывалось. На данный момент стояла конкретная задача. Посмотреть, не забыла ли чего и вернуться в нормальную жизнь, где никто ее не сбрасывал на рельсы.

Все оказалось в порядке, сумка пристегнута на поясе, из нее ничего не выпало, очки потеряны, но она помнит где, там и ее вязаная шапка, вместо неё – та самая гадость, что ей напялили на голову, с прорезями для глаз. Только надели маску-шапку задом наперед, чтобы

она не видела, куда ехали. Бандитский головной убор валялся там, где она его сбросила, на расстоянии протянутой руки. Она подобрала вещественное доказательство и сунула в карман.

Далее она с трудом поднялась и побрела в сторону станции. Идти было трудно и больно, склон круто уходил вверх, внизу влажно светились и темнели рельсы, от них хотелось быть как можно дальше, особенно если появится следующий поезд. Чтобы его не пропустить, она поминутно оглядывалась, а скорости это занятие не прибавляло. Однако растительность на склоне, жесткие, сухие стебли – помогали в продвижении, за них можно было держаться.

Вокруг царила изумительная зимняя ночь, серебряные снежинки медленно опускались рядом и прямо на нее. Если бы не мокрое от снега пальто и не больная нога, то можно было представить, что это сон. Поначалу нелепый и пугающий кошмар с похищением и сбрасыванием под поезд, потом следующий эпизод – прогулка под звездами по заснеженным полям и синее небо над головой, с которого сыплются и медленно парят крупные белые звезды...

Стоп. Прямо впереди перед ней выросла стеклянная коробка станции. Она удостоверилась, что поезда сзади нет и приблизилась к платформе, которая оказалась ей по пояс, можно положить руку, дотронуться пальцами до асфальтового покрытия. С другой стороны, не замеченный раньше, загудел и выехал поезд, опять медленно прошел мимо, только в другую сторону. Ее никто не увидал.

«Прямо какая-то невидимка в метро,» – подумала она и стала представлять, как будет карабкаться на платформу, ее увидят, сочтут безбилетницей и отведут куда следует. Там она расскажет, что с ней случилось, и кошмар начнется заново. Однако хвостовой отсек станции казался совершенно пустым и можно было рискнуть. Она поставила локти на платформу и обнаружила, что не совсем одна – в темном углу обнималась парочка подростков.

– "Можно сказать – удача," – подумала она и сказала. – Ребята, можно вас на минутку!

Парочка распалась, и через секунду на нее смотрели две пары любопытных круглых глаз.

– Тетка, ты как на рельсах оказалась? – впрямую спросил мальчик юношеским баском.

– Может она перепила? – предположила девочка. – Или террористка, и у нее бомба?

– Да нет, я просто гуляла и заблудилась немножко. Если не трудно, то дайте мне руку.

Спасибо ребята. – сказала она, потом объяснила. – Со взрослыми тоже бывают такие глупости, что вы просто не поверите.

Тем моментом подошел долгожданный поезд, пришлось наскоро благодарить спасителей и оставить их без длинных объяснений. Она только успела спросить.

– Какая станция?

– Фили! – ответили детишки и вернулись к своему занятию.

Погрузившись в вагон, она первым делом отыскала схему и выяснила, что можно обойтись одной пересадкой на станции "Александровский сад", она была конечной на этой линии. Далее она с удобством расположилась на пустом сидении и стала наблюдать, как поезд то ныряет в тоннель, то выезжает на поверхность в самых неожиданных местах, то на Кутузовском проспекте, то посреди реки на мосту, а в отдалении таинственно просвечивает силуэт Белого Дома, сейчас голубовато-прозрачный.

Когда мост вновь сменился туннелем, ей удалось вырваться из цепких лап созерцания и заставить себя обдумать ситуацию, во всяком случае попробовать решить, что надлежит делать на станции "Александровский сад". Найти отделение милиции и рассказать там, что с нею случилось, или, не мудрствуя лукаво, поехать домой и подумать основательнее над тем, что произошло, и какова ее роль в данной истории.

Даже пребывая в сумеречном состоянии души и понимая, что голова работает не лучше поврежденной ноги (соображать стало труднее, чем ходить), она подозревала, что объяснить что-нибудь кому-либо, а особенно в милиции, будет нелегко. Может возникнуть недоразумение, в результате ей придется ночевать не дома, а в каком-то казенном месте, ни одно из них ее не устраивало, включая госпиталь с охраной. Ни говоря об ином, тоже с охраной.

Следовательно, мучительно соображала она, лучше всего будет доехать до "Александровского сада", сделать прямую пересадку на свою линию и просто ехать домой. И все остальное делать там, класть лед на щиколотку, сушить пальто и ждать, пока способность соображения вернется хотя бы частично. Можно даже позвонить по телефону, посоветоваться или хотя бы выяснить, что было с абонентом после того, как ее погрузили в машину и повезли неизвестно куда. Вернее, теперь очень хорошо известно, в район Филей, где сбросили почти под поезд. Скорее всего, чтобы молчала если не всегда, то хотя бы подольше.

Во всяком случае надлежало связаться с единственным человеком на свете, который точно знает, что она замешалась в эту историю случайно, по чистой глупости и недоразумению. У остальных могут быть другие соображения, и кроме единственного свидетеля подтвердить ее неучастие практически некому. Если Шура, то есть Александр Иванович жив, здоров и дееспособен, то это одно дело, но если с ним что-нибудь произошло, и он не сможет подтвердить непричастность... Тогда надо десять раз подумать. К такому умозаключению поезд привез ее на станцию "Александровский сад", с тем она вышла из вагона и с трудом преодолела лестницу. На свою линию и больше пока никуда.

По собственной линии она ехала автоматически, ничто не отлекало внимания, поэтому нога болела и не слушалась больше, а мысли, выходя из состояния заторможенности, причиняли мучительное беспокойство. Как это с ней случилось, что случилось и как быть с этой неразберихой дальше – ни на один из вопросов у нее не находилось ответа. Подкатывал соблазн, и немалый, стряхнуть с себя прошедшие полдня как нелепое наваждение, вернуться к обычной жизни и постараться забыть кошмарное происшествие от начала и до конца. Дохромать до дома, сказать, что поскользнулась и неудачно упала, потеряла в темноте очки и шапку, тривиальные городские неприятности. И перейти к приятностям – что было обещано, но держалось в секрете. Вполне приемлемый вариант.

С каждым шагом приближения к дому приемлемый вариант становился единственным. Не только в милиции, но и дома рассказывать криминальные байки, которые полчаса назад были реальной действительностью, отчаянно не хотелось. К тому же были они совсем дурного вкуса, ко всему прочему. К моменту, когда она с трудом преодолела лестницу в парадном и вызвала лифт, свежие, непросохшие приключения мелькнули в последний раз перед мысленным взором, свернулись в клубок и закатились в темный угол памяти.

Потом, все это потом. И думать, и предпринимать что-либо, и звонить Александру Ивановичу. Пока с ней ничего не случилось кроме небольшого травматического инцидента. Да именно так и никоим образом иначе.

Снежным утром...

Утром следующего дня Алла Кирилловна Барсова, ранее Аллочка, по прозвищу Трехглазка, стояла без всякого дела у окна и смотрела, как метель закручивает белые пряди на сером фоне неба и вокруг темных тонких древесных веток. В квартире Алла была одна, никто не мешал ей смотреть в окно сколь угодно долго и разбираться в потоках снежных вихрей и своих не менее сложно закрученных мыслей.

Стоило признать, что накануне Алла перестаралась, она не только сохранила в тайне от домашних опасные для жизни и свободы похождения, но запрятала их в темный угол памяти так глубоко, что происшедшие события стали подозрительным бредом. Наподобие сна наяву, пригрезившимся от утомления, когда фантазия, не спрашивая позволения, рисует картины, одна другой причудливее.

Реальные события утром казались придуманными: люди в масках, вооруженные автоматами; перекошенное лицо Шуры; разговор, с перепугу Аллой не услышанный – они отрывисто угрожали, он нарочито спокойно говорил в интерком и телефон. Далее тошнотворно долгое ожидание в кожаном кресле, оно, казалось прилипло к ней намертво, потому, что в соседнем сидел парень, держал между колен автомат, курил тонкие сигареты и смотрел на Аллу пустыми светлыми глазами из прорезей шерстяной маски. Невидимое лицо с одними глазами, как воплотившийся кошмар, загнипотизировало Аллу до такой степени, что когда ей рявкнули: "Пошли!" она встала и пошла. Потом прошипели сзади: "Живее!", и она послушно прибавила шаг и не возражала, когда на голову ей натянули такую же маску, какие были на бандитах. Только запомнила, что охранник крикнул вслед: "Да это же она, она с ними!". Тот парень в пятнистой одежде, с которым пришлось пререкаться, когда она подходила к охраняемому помещению, совершенно не догадываясь, что лучше бы ей этого не делать.

Пока они шли гуськом по зданию, потом хозяйственными дворами, на них смотрели остекленевшими глазами, и никто не двигался – в противном случае был обещан взрыв и пожар, самый крупный в столице со времен пришествия на Москву Наполеона. Такая информация пробилась к Алле сквозь гул и тошный страх, который наводили на нее маски и черные дула автоматов.

В машине, вроде бы это были пронзительно белые "Жигули", кто-то передернул на Алле шапку маску прорезями назад, наверное, им не терпелось снять свои. Только один этот грубый жест позволил Алле не впасть в панику и не биться в судорогах на сидении машины. Силы у нее кончились, только малая надежда отделяла от безумия. Если не хотят, чтобы она их видела, то значит... И действительно, несмотря на угрожающие намеки и предположения, ничего дурного ей не сделали, разве что выбросили под откос, разбираться с поездом самостоятельно.

"Пожалуй, они не сколько выбросили, сколько подкинули," – неторопливо размышляла Алла, всматриваясь в снежные завихрения, и круговорот мелких снежинок странным образом сочетался с неспешным ходом мысли. – "Не только подкинули, но и подставили. Что труп на рельсах, что дура в милиции опасности не представляют. Ни тот, ни другая их не знают, но её видели в процессе теракта, и охранник опознает, подтвердит, что была с ними и села в машину. Если не найдут реальных участников, то прямой резон заняться единственной ниточкой. Труп спишут, а из живой дуры будут добывать информацию, кто поручится, что ей нужно верить на слово?"

Алла закрыла форточку, потому что самые резвые снежинки начали залетать в окно и садиться на плечи махрового халата. Затем, медленно прихрамывая, она направилась на кухню сварить кофе для дальнейших размышлений. Кофе вскипел, остыл и был выпит, но как не хотелось Алле братья за телефон и наводить справки у свидетеля ее алиби, вернее, никакого не алиби, потому что она к несчастью попала в ненужное время на ненужное место.

Однако Александр Иванович Костин, только он сможет подтвердить, что Алла Барсова пришла в его рабочий кабинет сама по себе, а люди в масках явились отдельно, буквально через десять минут. И прихватили Аллу Кирилловну, как заложницу, потом передумали и произвели в соучастницы для отвода глаз. Александр Иванович им слова не сказал, мало того, что добыл чемодан денег, он позволил увести свою знакомую. Хотя как он мог им не позволить, разрешите спросить? И что стало с ним? Алла Кирилловна напрочь не помнила, где был и что делал Шура Костин в момент их отбытия, после того, как деньги были получены. Отнюдь не исключено, что его усыпили хлороформом или стукнули прикладом по голове. В этом случае заверить ее неучастие будет сложнее, если Александр Иванович Костин недееспособен или ничего не помнит. После недолгой паузы в рассуждениях Алла Кирилловна решила, что появляться на поверхность она станет не раньше, чем свяжется с Шурой Костиным и получит подробные инструкции. Или информацию о его дальнейших действиях после бандитского налета на его контору. При том стоит заметить, что ее никто не искал и о ней не беспокоился! Значит, Шура Костин не может говорить или не доложил, что террористы умыкнули его знакомую. Не в силах осмыслить ситуацию, Алла Кирилловна проконсультировалась с Аллочкой Трехглазкой, та дала совет меньше думать, просто позвонить Шуру Костину.

Алла Кирилловна вздохнула, взялась за телефон и очень скоро выяснила, что на рабочем месте главный инженер отсутствует, его местопребывание составляет служебную тайну. Впрочем, это немудрено, имея в виду вчерашние феерические события на этом самом рабочем месте. Скорее всего, главный инженер пребывает в тех местах, где интересуются подробностями, тем более, что забава обошлась в крупную сумму казенных денег. Для очистки совести Алла набрала домашний номер инженера, но вместо ожидаемых долгих гудков ее ожидал сюрприз. Алла представилась и спросила, как ей отыскать хозяина, а женский нервный голос вдруг выдал тираду.

– Знаю я, какая ты учительница! Ты кого-нибудь другого этому самому учи, кошка драная! Повадилась звонить, стыда и совести нет! Я его жена, а тебя чтобы я больше не слышала! Проваливай! – сказали скороговоркой.

– По-моему, произошла ошибка, – предположила Алла, но вступать в объяснения с нею не стали, назвали ее нехорошим словом и шмякнули трубку с сердцем.

Поступившую информацию Алла осваивала долго и со смешанными чувствами. Главным из которых было громадное облегчение. Что бы ни случилось после, а в краткие минуты, предшествовавшие бандитскому налету, Алла Кирилловна застенчиво мялась и не успела сообщить инженеру Костину, что заявила экспромтом в его служебный кабинет для того, чтобы ответить согласием на предложение руки и сердца. Доведись ей довершить глупость, то Бог ты мой, как было бы сейчас стыдно, даже представить трудно! Ранее Шура Костин заявлял, что живет с женой раздельно и фактически находится в процессе развода со вздорной женщиной. Оказалось, что ничего подобного, жена уверена в своих правах и бойко отвечает на телефонные звонки.

Идея брака с благополучным и добропорядочным инженером с самого начала вызывала у Аллы чувство сопротивления. Но она дала себя уговорить. Здравый смысл и подруга Галина наперебой твердили, что случай упускать не следует. Это называется устроиться, обрести мужа, не думать о деньгах и не быть одиночкой с двумя детьми. Хотя сказать по правде, никакого одиночества Алла не ощущала и в помине. Но в минуту смятения ума решила пройтись по проторенной дорожке и попробовать устроиться. С тем срочно помчалась объявить кандидату в мужья, пока не передумала. В результате напоролась на бандитский налет, хорошо, что сказать ничего не успела.

"Хорошо, очень удачно," – размышляла дальше Алла. – "Идея с браком по расчету полностью себя исчерпала. Об этом теперь думать противно, да и Шура, милейший инженер Костин, по всей видимости, передумал и позвал жену обратно. Или он лежит в больнице, оправляется

от потрясения, а супруга воспользовалась случаем утвердиться в правах. А в сущности совершенно неважно. Ясно, что после таких приключений ни о каком разумном брачном союзе думать не приходится. В экстремальных обстоятельствах выясилось, что друг о дружке никто из нас не вспомнил."

Расправившись одним махом с брачными надеждами и планами, Алла постановила, что думать о криминальных обстоятельствах можно неспешно, и стала размышлять о делах насущных, о своей повседневной жизни. Раз никто не спрашивает, лучше не соваться, не то в следующий раз сбросят под поезд прицельней и с большим успехом. А что до господина Костина, то каковы ни были мотивы его неинтереса к судьбе похищенной Аллы, то пускай поварится в собственном соку. Она, Алла всегда может заявить, что у нее отшибло память по известному принципу: поскользнулся, упал, очнулся – гипс. Вернее эластичный бинт на щиколотке. Пускай кто-нибудь попробует доказать обратное.

Оставалось последнее соображение. Номинально Шура Костин, пока не напросился в женихи, числился у учеником по части английского разговорного, они беседовали на светские и технические темы регулярно раз в неделю за неплохую сумму денег в твердой валюте. Супружеский союз, Бог с ним, но уроки прекратятся, это жаль! Валютные поступления служили подспорьем к жалкой зарплате. Кроме Шуры учеников было четверо, но никто не платил так хорошо.

Алла вздохнула и подумала, что судьба ее подстерегла, от перевода "фэнтэзи" теперь не уйти. Чтобы заделать брешь в бюджете, придется переводить роман, и для ускорения работы покупать компьютер. В знакомом издательстве Аллу заманивали давно, знали, что ее английский не оставляет желать лучшего, и с русским все в порядке. Деньги платили неплохие, смущала потогонная система работы, полтора-два страниц в месяц – вынь да положь! На пишущей машинке Алле с таким объемом не сладить, от стрекота голова начинала раскалываться на третьей странице.

Модная машина, то бишь компьютер, обещала тишину, удобства в работе и многочисленные усовершенствования. Дети давно пытались внушить Алле, что с покупкой компьютера их жизнь волшебным образом изменится к лучшему. Она сможет зарабатывать переводами, они освою технику и приобретут специальность, а Миша достанет "Корел Дро" (или как оно называется) и будет их учить. Потом они втроем организуют собственную фирму. И бабушка прислала "сто рублей" как раз вовремя, сейчас на рынок вышла новая экономичная модель.

В игру "Барыня (она же бабушка) прислала сто рублей" они играли вот уже три года. С первого раза, когда мама Аллы, она же бабушка Кирилла и Дениса прислала на открытый заранее банковский счет первую тысячу баксов. Сама бабушка давно прижилась в Соединенных Штатах, то с одним мужем, то с другим, дочку и внуков не видела годами, но время от времени отрывала от себя валюту и слала в Москву.

Алла всегда исполнялась признательности хотя бы за такой вид материнской заботы и деньги желала употребить с толком. В прошлом году они долго совещались и на всю сумму экипировались, также купили видяшник. Нынче дети упорно настаивали на компьютере – такое пошло поветрие, оказалось, что без новомодной техники жизнь стала практически невозможной.

Алла подозревала, что умные разговоры насчет чудес информатики имели то же происхождение, что и ее былые мечты о кассетном магнитофоне. Тогда она была Аллочкой Трехглазкой и всеми правдами с неправдами пыталась расколоть на кассетник тетю Лизу и Надежду Порфирьевну – старушек, ее воспитывавших. Пожилые тетушки не вняли, и Аллочке пришлось смириться с неудачей. Но привкус поражения остался, и будучи теперь мамашей, Алла понимала желания мальчишек. Благо деньги появились, как по мановению, а от компьютера и впрямь могла сказаться польза, в отличие от кассетника.

Следовательно, нынешним вечером можно возобновить семейную игру "Барыня при-слала сто рублей". Очередная серия была намечена на вчерашний вечер, однако мероприятие пришлось отложить, поскольку единственное лицо, облеченное решающим голосом, внезапно охромело на одну ногу и оказалось не в состоянии мыслить здраво. Лица с совещательными голосами устроили небольшой гвалт, мол, неужели маман имеет привычку мыслить ногой, особенно левой – но Алла призвала детей к порядку, а домработник Миша ее поддержал, прекрасно исполнил роль мужчины в доме.

"Как хорошо, что никто не догадался, как близка была их не совсем нормальная семейная жизнь к радикальным переменам в худшую сторону," – думала Алла. – "Если бы налетчики не поспели, то услышали бы бедняги иные новости. Пришлось бы им заявить, что скоро в доме поселится так называемый папа, то бишь отчим, а Мишу срочно придется уволить, Шура Костин не собирался терпеть его в доме. Александр Иванович – человек старорежимный, и приходящий домработник с усами его нежную душу коробил с самого начала, с того дня, как ему довелось войти в дом в качестве ученика."

Естественно, Алла Кирилловна не сочла нужным объяснять приходящему ученику тонкости своего домашнего хозяйства, но Миша не стеснялся и выложил подробности сам. После урока они пили чай на кухне, и Миша рассказал в процессе, что он по первой профессии художник и небезизвестный, его картины неплохо шли на Западе, особенно среди ценителей. До недавнего времени он был солидно обеспечен, деньги лежали в надежных банках. А он отдавался творческому процессу. Однако очередной финансовый кризис вымел капиталы вчистую, до последней копейки. Новые поступления замедлили, а малевать вывески, то бишь трудиться в рекламе Миша желания не имеет. Гораздо приятнее и веселее вести хозяйство у Аллочки и смотреть за мальцами, так он стал приходящей прислугой с хозяйской кормежкой. В свободное время пишет картины у себя мастерской, там и живет, поскольку очередная бывшая супруга квартиру ухитрилась отобрать. С Аллочкой они учились в школе много лет, друзья детства.

Александр Иванович Костин не одобрял ни Мишу лично, ни роли художника в доме Аллы Кирилловны, но его мнения не спрашивали. В отличие от остальных Шура Костин не обладал даже совещательным голосом. Однако заодно с предложением руки и сердца Александр Иванович не преминул выдвинуть условие – в их совместном доме Миша Званский хозяйство вести не станет. "Ну теперь этой жертвы не надо нести на алтарь супружества", – между делом подумала Алла Кирилловна и стала собираться на работу.

Миша должен был прийти с минуты на минуту, а по некоторым причинам Алла избежала оставаться с ним наедине, ее больше устраивало семейное общение. Никаких телефонных звонков не последовало до самого выхода Аллы Кирилловны из дома, тихо и непривычно пусто было в квартире, словно безмолвие опустилось после вчерашних приключений, которых было нестерпимо много.

Рабочие академические часы прошли споро и суетно, Алла учила студентов английскому и немецкому языкам, носилась вместе с ними по аудиториям и коридорам, и входила в обычную колею, где не было ни дурацких планов, ни детективных поворотов событий. Во время одной из перемен она дозвонилась в издательство "СуперНова" и договорилась, что заедет посмотреть роман на предмет перевода, может быть, возьмет с собой и за три дня решит, станет ли переводить. В издательство Алла заскочила по дороге к очередной ученице, быстренько схватила яркую книжицу, называемую "Трон Земли" и пообещала сообщить решение вскоре.

Дневные дела закончились, и Аллу ждал вечер в домашнем кругу, к чему она стремилась сначала на метро, потом по заснеженным переулкам и темным проходным дворам.

Домашние сюрпризы

Не успела Алла ступить на порог собственного жилища, как Миша сообщил конфиденциально, хотя и громовым шепотом.

– Хочу предупредить. Ребята устроили сюрприз, пришлось принять участие. Мне кажется, они малость перестарались, но вроде у вас так принято, – обстоятельно объяснился он.

Алла выслушала вполуха, сбрасывая пальто в Мишины объятия. Всяческие розыгрыши и сюрпризы бытовали в их доме запросто. Мальчишки унаследовали от Аллочки Трехглазки склонность к авантюрам, правда, по большей части безобидным. Алла подумала, что, в ожидании призов, сопутствующих игре с бабушкиными "ста рублями", ребята придумали и внесли дополнения в ритуал. Нечто, способное склонить мамашу к желательному для них решению. После ужина и чая младшенький Денис снял с гвоздя медный таз, в котором отродясь не варили варенья, ударил в него ложкой и произнес тоном ярморочного зазывалы.

– Глубокоуважаемые господа! Сообщаю: барыня прислала сто рублей! Что хотите, то берите, да и нет не говорите, во всяком случае, пока не прослушаете неожиданное сообщение. Слово спикеру! – объявил он.

О выступлении спикера Алла слышала впервые, к сюрпризу была отчасти подготовлена. Однако не к такому. Кирилл ловким движением фокусника вынул из рукава любимую газету и стал зачитывать репортаж из отдела происшествий. Отчет о событии назывался пышно: "Москва откупилась от огненного вихря". Алла приготовилась слушать стоически, но со второй строки забыла о своем намерении.

"...Четверка налетчиков проникла в кабинет главного инженера сложным способом. Сначала охрана пропустила к облеченному властью лицу женщину приятной наружности. Та уверяла, что направляется в офис по личному делу. Охранник не проявил должной бдительности, дамочка оказалась в кабинете. Буквально через пять минут трое сообщников в комбинезонах и черных масках обезоружили остальную охрану и ворвались в помещение. После чего силовые методы другой стороны стали не только бесполезны, но опасны для всех. В рабочем помещении главного инженера находился сложный пульт распределения и подачи горючих материалов, манипулируя которым, возможно устроить взрыв, а также пожар, какого не видели в столице со времен нашествия Наполеона. В такую форму эрудированные грабители облекли требование о выдаче ста тысяч долларов.

К прочей информации они присовокупили, что один из членов шайки спрятался в условленном месте, где произведет зажигание вылитой горючей жидкости. Струю пустили профиллактически, на случай, если сообщники не появятся с выкупом. Целые невредимые и свободные в определенное условленное время. Переговоры осуществлял главный инженер, ставший заложником вооруженной банды."

– Дайте мне газету, – взмолилась Алла Кирилловна, когда способность говорить вернулась к ней частично.

– Это не самое интересное, вот последний абзац, – заверил старший сын, газету не отдал и продолжил чтение с интонациями диктора. – "Внешний облик троих нападавших остался вне конкретного определения, пятнистые комбинезоны и темные маски с прорезьями для глаз, а вот сопутствующую женщину удалось запомнить. По описанию охранника, подтвержденному словами главного инженера, она представляла собой особу приятной наружности, среднего роста, одетую в синее шелковое пальто и черные сапоги, темные волосы уложены сзади в пучок, особые приметы – большие фигурные очки. Срочно сделанный фоторобот позволяет нашим читателям посмотреть, может быть, кто-нибудь видел эту особу или знает ее."

Дальнейшим мигом в онемевших руках Аллы Кирилловны оказался ее собственный портрет, выполненный в стиле "фоторобот" с крупной надписью поверху "Срочно в розыск!"

Газетные листы, лица детей и кухонные обои завертелись вокруг Аллы в тошнотворном хороводе, табуретка под ней провалилась в тартарары, а пол стремительно приблизился. Но очень скоро всё растворилось в приятной темноте.

– Я вам говорил, придурки, – после паузы послышался знакомый голос ниоткуда. – Говорил я вам, зря это, слишком, чересчур. Ну что, доигрались? Берите теперь за ноги, осторожнее, не то стол своротите.

– Она умерла? В скорую звонить? – раздались перепуганные голоса, и Алла стала понимать, что ее несут, скорее даже тащат.

– Пока нет, может, выживет, только вот на фига такая жизнь? – произнес Миша, и Алла куда-то свалилась, но упала близко и мягко.

Освещение вернулось, Алла лежала на собственной кровати, вокруг возникли лица мальчишек. Миша сидел на краешке стула рядом и держал ее за руку, определял пульс. Дети зачем-то пытались опять сунуть ей в лицо газету, вырывая ее друг у друга.

– Мам, ну посмотри, совсем не похоже, только пальто и прическа, – наперебой убеждали сыновья, потом догадались объяснить. – Ну, это мы пошутили по-дурацки, думали, ты посмеешься. Миша твой портрет нарисовал, мы хотели тебе сказать, чтобы поделилась денежками, награбленными. Ну вправду, тетка чуть-чуть на тебя похожа, и мы подумали...

– Вот такой сюрприз, – покаянно заявил Миша. – Извини, я принял участие, можешь сказать, что я болван. Я несколько не обижусь, поскольку это будет истинная правда.

Алла не помнила точно, сколько времени ушло на оценку ситуации, однако обморочное состояние позволяло хранить молчание сколь угодно долго. Она молчала, смотрела на домашних страдальческим взором, пока не уверилась, что поняла правильно. А именно, дети прочитали в газете репортаж о вчерашних событиях, им показалось забавным, что преступная женщина отчасти схожа с собственной мамашей и пальто носит такое же. Вот они и придумали розыгрыш, заставили болвана Мишу употребить живописный дар всеу и изобразить "фоторобот" Аллы с фотографии. Фактор внезапности не позволил Алле сообразить, что криминальный портрет ей преподнесли отдельно, в газете красовалось нечто условное, похожее на неё весьма отдаленно.

Разоблачение в кругу собственной семьи оказалось свинским блефом, от одного этого Алла испытывала огромное облегчение, однако не в том состояла печаль, доведшая ее буквально до потери сознания. В газетном репортаже черным по белому читалось, что не только охранник, но и главный инженер уверенно поместил женщину (а ведь это была Алла!) в ряды преступной шайки. Как могла произойти ошибка, у Аллы просто в голове не укладывалось!

Тем не менее, с домашними обсуждать эту проблему она не собиралась. Пока они столпились у кровати и наперебой объясняли в ненужных подробностях, как им пришла в голову вздорная идея, и как они претворили ее в жизнь. Больше всех каялся Миша, понимая, что его участие в дурацкой забаве непростительно и неуместно.

– Помнишь змею на стуле? – спросила Алла, когда в разноголосом гомоне случилась минутная пауза.

– Еще бы не помнил, – отозвался Миша. – Змея была твоя, а из школы чуть не выгнали меня. Причем она резиновая была, не настоящая, между прочим.

– Ей было неважно, Анне Абрамовне, резиновая или нет. Сердечный приступ был настоящий, «скорая» повезла из школы прямо в больницу, – уточнила Алла и добавила укоризненно. – Теперь я ее понимаю.

– Зато контрольная пропала начисто, а как твоя змейка смотрелась на стуле! Блеск, просто как живая была, – с ностальгией в голосе проговорил Миша.

– Вот, когда мы с Мишей были в вашем возрасте, – назидательно произнесла Алла, не поднимая головы. – Мы додумались подложить резиновую змею на стул учительнице, простой немудреный поступок, и смысл в нем имелся – от контрольной избавились. Хоть и дурно, но

по крайней мере объяснимо. Но вот зачем пугать меня, хоть застрелите, я не понимаю. Прошу чаю и возобновляем заседание.

Чашку свежезаваренного чаю принесли прямо на ложе, на закуску изыскали пряник, так что Алла преподнесла свою речь вприкуску, как бы между прочим.

– Да, кстати, нужен ваш совет, – начала она. – Ваш папа звонил недавно, кажется позавчера. Кто-то ему сказал, что бабушка прислала деньги и предстоит покупка компьютера. Мы, правда, ничего не решили, но кто-то похвастался – интересно, кто? Ну, да это неважно. Папа очень горевал, что у него денег нет совсем, просил отсрочить выплату ваших карманных расходов и хотел узнать, не можем ли мы дать ему займы из бабушкиных денег. Обещал отдать, как сможет. Что ему сказать?

(Честно говоря, Алла не собиралась делиться с сыновьями информацией или спрашивать у них совета. Бывшему мужу она мягко напомнила, что никогда у него денег не просила, а бабушка предназначила посылку внукам, вовсе не экс-зятю. Вадим был сильно разочарован, посетовал, что они не чужие, разговор вышел не слишком приятным.)

– Ну так что? – повторно спросила Алла, пусть мальчишки подумают, что для них важнее, приобрести компьютер или вытащить папашу из финансовой пропасти

– Компьютеры сейчас дешевеют, – доложил Кирилл. – Мы подыщем экономную модель, а что останется, так и быть, ссудим. Без процентов, на полгода, идет? Тогда надо покупать скорее, папашу жаль, ему тоже трудно.

– Воля ваша, – согласилась Алла.

Ребята вышли из затруднительного положения с блеском, проявили здравый смысл, похвальное великодушие, а также изобретательность. Оказывается, срочная покупка компьютера принесет разрешение всех семейных проблем. Бабушкины "сто рублей" были распределены ко всеобщему удовольствию. А о неудачной шутке, чуть было не уложившей Аллу в гроб, авторы постарались забыть.

Миша удостоверился, что с Аллой все в порядке и отбыл к себе в мастерскую. По всей видимости, у него ожидалась гости или возник запас пива. При найме на работу Алла поставила лишь одно условие, но категорическое – никаких друзей и никакого алкоголя в пределах ее квартиры, на глазах мальчишек.

– Ну, ты строга, Трехглазка, – комментировал тогда Миша, однако условие принял и исполнял.

Дети долго смотрели телевизор, потом отправились спать, и весь остаток вечера Алла размышляла, в какое невероятное положение она ухитрилась попасть. Хорошо сидеть в кресле у себя дома, листать книжку, вычурно названную "Трон Земли", слушать, как дети возятся, потом с проволочками отправляются на покой. Но вот именно ее, Аллу Барсову, объявили в срочный розыск и не поленились дать объявление в газете! Как такое могло произойти? Почему Шура Костин ничего не объяснил? Почему заявил, что в контору пришла незнакомая женщина и оказалась сообщницей налетчиков?

Может быть, он действительно так думает? Что она вкралась к нему в доверие под личной учительницы английского языка, узнала нужные для налета детали и усыпила бдительность? Но тогда зачем он скрывает ее от милиции, утверждая, что женщина ему не знакома? К тому же она его не искала, Шура Костин нашел ее сам, по объявлению частного бюро, где ей подыскивали учеников.

Или Александр Иванович Костин скрывает их знакомство по каким-то своим причинам? Скажем, знает отлично, что Алла не причастна к налету, но объяснить ситуацию не хочет или не может, и придумал байку про незнакомую наводчицу.

Может быть, жена вмешалась? Неужели обмануть милицию и подставить Аллу проще, чем растолковать жене (бывшей или небывшей), что делала в его офисе учительница англий-

ского языка в разгар рабочего дня? Все равно бред какой-то. Или Шура думает, что бандиты ее умертвили, и не хочет нести ответственности? Заодно валит на нее, как на мертвую?

Но кто мешает узнать? Или вякнул, не подумавши, потом струсил, побоялся лишних осложнений? Черт разберет его, Шуру Костина, вот чья душа потемки, невзирая на лощеный внешний вид. Попробовать еще раз позвонить? А вдруг у него на телефоне засада, вычислят номер и приедут. Шура на очной ставке скажет, что знать ее не знает, или того хуже – что она террористка и вымогательница, под видом английских уроков втиралась к нему в доверие. Как доказывать обратное?

Мысли в голове у Аллы Кирилловны бежали резво и временами сталкивались, образуя затор и коловращение. Дети уgomонились в своей комнате, перестали бормотать в темноте, но Алла бродила по квартире в тщетных попытках что-либо осмыслить. Телефон зазвонил ближе к полуночи, Алла быстро схватила трубку и услышала невнятное заявление.

– Не спишь? Я сейчас приду, – сказали без приветствия.

В трубке гудело и дребезжало, голоса Алла не разобрала, только уловила, что мужской. Ей показалось, что говорил Вадим Барсов, бывший муж. Но после отбоя стало ясно, что ему делать у них нечего, звонил кто-то другой.

Разбор полетов на кухне

Ответ на загадку отыскался неожиданно скоро, Алла не успела перебрать половины возможных вариантов, как в дверь коротко позвонили. Скорее со страхом, чем с нетерпением Алла заглянула в дверной глазок и в иллюзорном пространстве подле лифта узрела знакомую фигуру Александра Ивановича, Шуры Костина. Одет посетитель был в дорожную кожаную куртку на меху, в руке держал портфель и по своему обыкновению излучал сугубую солидность. Лысая голова, крупные очки и мощный квадратный подбородок создавали образ мужественной, грубоватой респектабельности.

В который раз Алла отметила, что Шура Костин отлично мог сыграть роль мормонского предводителя в голливудском боевике, стоит посадить его на облучок фургона и снабдить широкополой шляпой. "Господи, какие глупости лезут в голову", – упрекнула себя Алла Кирилловна и стала открывать дверь.

Инженер Костин бесслвно ступил через порог, молча водрузил верхнюю одежду на вешалку и поставил портфель снизу, после чего уверенно прошел на кухню, не дожидаясь приглашения. Алла последовала за ним в таком же молчании. Слишком много вопросов предстояло задать, и она не знала, с чего следует начать. Кстати, не было уверенности в том, что Шуру Костина следует пускать в дом поздней ночью.

Гость с расположился за кухонным столом, вытащил из кармана пиджака пачку сигарет и жестом спросил пепельницу. Алла достала с полки пустую банку из под кофе, пододвинула на середину стола и без спроса взяла сигарету из пачки. Курила Алла редко и только в обществе. Молчание, чем дольше длилось, тем становилось выразительнее. В процессе безмовного курения инженер Костин вспомнил о портфеле, принес его из коридора и вручил Алле очки и вязаную шапку, улики, припрятанные в офисе. Очки остались целы – удивительно!

– Я так понял, что газету ты читала, – наконец проговорил гость и добавил. – По-другому было нельзя. Не получилось.

К своему удивлению, Алла вдруг поняла, что вовсе не желает объясняться. Она перебирала один за другим вопросы, какие хотела задать и убеждалась, что ей совершенно ни к чему ответы. А возвращение очков с шапкой и вовсе лишило разговор практического начала. В принципе их неформальные отношения оказались ошибкой, вплоть до брачных предложений и ее дурацкого намерения согласиться. Следовало ограничиться одним английским разговорным, не возникло бы недоразумений, не нужно было бы сейчас лихорадочно думать, что сказать и о чем спросить. Напрасно задумал Шура Костин соединить с ней дальнейшую жизнь, и абсолютно зря Алла о том размышляла. Во всех случаях жизни они оставались друг другу посторонними.

– Я совершенно ничего не понимаю, – наконец созналась Алла. – И теперь не знаю, что делать.

– А зачем ты тогда пришла? – спросил Шура внезапно.

– Очень глупо получилось. Понимаешь, я оказалась в твоих краях и подумала, что могу на секунду зайти, сказать, что ничего у нас не получится, – солгала Алла, такое к ней пришло вдохновение.

– Все ясно, – отозвался Шура Костин. – Так и следовало ожидать. Ну ладно, проехали. Но получилась грандиозная белиберда, те ребяташки взяли тебя в заложницы, как мою невесту. Я им сказал. Им нужно было, чтобы я молчал.

– Но зачем ты сказал, что я была с ними заодно? Меня теперь ищут, и что делать, если найдут? – Алла наконец решилась на главный вопрос, не дававший покоя.

– Это не я, это дурень из вохры, он тебя пропустил без спроса и документов, потом испугался. Я тут же сообразил, что тебя можно отмазать и не говорить лишнего, – многословно

объяснялся Шура без особой убедительности. – Кто такая, зачем приходила, как получилось дурацкое совпадение, могли не поверить. Тебе так лучше, ищут какую-то девку, на тебя не очень похожую. Мало ли их по Москве!

– Понятно, – согласилась Алла, далее сообразила: "И труп был бы посторонний, если что. Нашли на рельсах тело в синем пальто, вот она налетчица, свои управились, денег не поделили, знала слишком много и вообще. Опять же к Шуру никакого отношения не имеет. Быстро соображает главный инженер. В заложницах невеста, а в морге – неизвестно кто."

Но ничего подобного она Шуру Костину не сообщила, сидела молча и курила одну сигарету за одной. Справившись с трудным объяснением, инженер Костин заговорил о насущном.

– Сама понимаешь, нам теперь видется неудобно, лучше переждать, с уроками тоже, – сообщил он. – Я тебе деньги привез, за три месяца, компенсация. Нас никто особенно вместе не видел, может обойдется, я свое объяснил, а тебя, даст Бог, не найдут. Потом посмотрим, ладно?

– За гонорар спасибо, а если найдут? – осведомилась Алла. – Что мне сказать? Я могу только правду, извини. Тогда кто-то из нас будет на подозрении, неизвестно, кому поверят. Тупик. Сам понимаешь, есть свидетели, что ты брал уроки, получится глупость. Надеюсь, ты не станешь заявлять, что я была с ними заодно, и ты ты скрывал меня от следствия, потому что пожалел. Я не представляю, как мы будем выступать на очной ставке, это какой-то бред. Может быть, нам лучше пойти и вместе сознаться? Я тебя поняла, не исключено, что другие поймут.

– Ты действительно ничего не понимаешь, – не согласился Шура Костин. – Придется объяснить. Лучше бы мне не говорить, а тебе не слышать, но не получается. Придется нам побыть пока в одной упряжке.

– Это каким образом? – поинтересовалась Алла, понимая, что ничего приятного услышать не доведется.

– Я уже говорил тебе, затем и приехал. Не вылезай, сиди тихо, пока не спросили, может, обойдется, – морщась, как от зубной боли произнес Александр Иванович. – Нет, тебе понадобится залезть, тебе нужно знать, ты мне будешь давать советы и указывать, что делать. Только тебя мне не хватало и твоих указаний. Может, я опоздал, но предложение беру обратно, очень рад, что ты надумала отказаться, только не вовремя.

– Прекрасно, я поняла, – отозвалась Алла. – Это лирика, а что по делу? Почему мы не можем честно сказать, как было? Что нам мешает? Вернее, тебе

– Хорошо, раз ты хочешь, то скажу, – сказал Шура. – Ты вообще оказалась сбоку припеку, это я понимаю. А я не могу рассказать, как было на самом деле, понимаешь, не могу. Все равно получится, что я что-то скрываю. Что в лоб, что по лбу. Тогда меня станут спрашивать очень серьезно, там знают как... И все равно не поверят, даже если я выложу, как на духу. И тебе никто особенно доверять не станет, будут копать. И окажемся по твоей милости знаешь где? Для чего тебе это надо?

– Ты меня опять запутал, слишком много вопросов задаешь, – ответила Алла. – Я в дурацком положении. Меня разыскивают за бандитизм, ты один знаешь, что я твою контору не грабила, но предлагаешь держать это в тайне. Я в принципе согласна, но до тех пор, пока меня не найдут. Но что я должна сказать, если меня узнают, вычислят и спросят? Или говорить, что это не я? Вохровец меня опознает. Или что я тебя не знаю и случайно оказалась в заложницах? Кто мне поверит? Выходит, что ты не можешь сказать правду, а мне нет смысла врать. Как быть?

– Вот я и говорю, что мы в одной упряжке, или держимся вместе, или топим друг дружку. Ничего с этим не поделаешь, – признал Шура Костин и закурил очередную сигарету.

– Объясни мне, пожалуйста, почему правда тебя не устраивает, зачем требуются какие-то выдумки? – в очередной раз спросила Алла.

– Потому что правда хуже всяких выдумок, – напрямую резанул Александр Иванович. – Потому что я знаю, кто они такие, потому что они меня знают, потому что тебя увезли, чтобы я молчал, потому что обещали свернуть тебе голову, если я пикну. Достаточно?

– Ой, извини, но я не знала, – только и нашлась сказать Алла. – А теперь, когда не свернули, нельзя переиграть? В милиции нормальные люди, поймут, что ты за меня боялся и не хотел рисковать. Я могу назваться невестой для правдоподобия, если твоя жена не будет возражать.

– С женой, с Лидкой, Бог с ней, а что она тебя по телефону отлаяла – баба есть баба. Она раздумала разводиться, оно сейчас удобнее, – невнятно пояснил Шура, довольный, что Алла свернула на обиходную дамскую тему.

Однако Аллу тема жены Лидки не интересовала почти совсем, и она вернулась в исходную точку собеседования.

– Хорошо, но я пока не поняла, что препятствует разъяснить наше дело раз и навсегда, – напомнила она. – Тем более, что ты кого-то знаешь. Чего ты опасешься?

– Я говорил тебе, – снова поморщился Шура Костин. – Сказал ведь! Я доложил, что ничего не знаю, они поверили, мои дела с ними закончены, я вне подозрения и чистенький. Не желаю начинать снова здорово, неужели непонятно? Теперь могут не поверить, сегодня одно, завтра – другое, раз соврал, значит веры нет. Начнут копать, не желаю я этого, не хочу.

– Это понятно, прости Бога ради, но ответ четко, – снова попросила Алла. – Что делать мне? Что говорить, если меня спросят? Если я скажу правду, то запутаю тебя окончательно.

– А я тогда доложу, что ничего подобного, что учился у тебя английскому языку и только. Все остальное ты выдумала, а зачем, я не знаю, – сообщил Шура и глянул на Аллу, проверял, как она воспримет такой поворот беседы.

– И попадешь в ту самую задницу, которой опасешься, – грустно промолвила Алла, только ключевое слово обозначила проще для красоты слога. – Вот тогда тебя будут спрашивать по-другому, я им дурочку сваяю, милую беспомощную и несчастную. Тобой обиженную, между прочим, гнусно обманутую. Нравится? И притворяться особенно не придется, распишу, как меня под поезд бросили, и пригрозили, чтобы рта не открывала. С меня спрос маленький, баба есть баба, как ты удачно выразился, спросят с тебя. Ты бы мне лучше сказал правду, сам заявил, что мы в одной упряжке, и друг без друга из этой истории не выберемся.

– Насчет поезда, ты это серьезно? – осведомился Шура Костин. – И как же ты...?

– Мы с ним договорились, он на минуточку свернул с рельсов, – объяснила Алла. Беседа с инженером Костиным, хоть и необходимая, начала ей сильно надоедать.

– Не понял, ты что, придуриваешься? – спросил Шура.

– Это ты придуриваешься и очень неумело, – сказала Алла. – Битый час морочишь мне голову, и каждую деталь приходится вынимать клещами. Я устала, время даже не позднее, а раннее. Или мы с тобой советуемся, как компаньоны по несчастью, или иди домой. И каждый выпутывается в меру своего разумения.

– Чего ты от меня хочешь? – напрямую спросил Шура Костин.

– Расскажи с самого начала, может я пойму. Не исключено, что соображу, как мне быть. – ответила Алла.

– Посоветуйся с женщиной и поступи наоборот, – бросил в пространство инженер Костин, но тем не менее начал рассказ. – Ну, я тебе сказал, что знаю тех мужиков – так вот знаю, да не очень. Скорее догадываюсь. Сам дурак, и никуда не денешься. Встретил одного тут недавно около нашей конторы. Шел вдоль забора и нате! Сто лет не виделась, и вот он! Сразу друг дружку признали, пошли пить пиво. Как зовут его, вообще не помню, может, и не знал, виделась в компашке, он меня признал первый. Все смеялся, мол, какой солидный стал, совсем начальник! Я от большого ума расхвастался, что здесь заправляю, из своего кабинета все могу сделать. Хочешь, налью тонну мазута, подгоняй цистерну. Одно слово – дурак. Вот

он с мужиками и пришел ко мне в кабинет, я его узнал в маске. Остальных никого не знаю. А он сказал напоследок: "капнешь на меня, кореш, скажу, что были с тобой в доле, лучше забудь". Про тебя тоже предупредил: "поднимешь звон сразу – свернем телке голову, пришлем по почте". Ну, я и молчал, потом понял – раз смолчал сразу, то ничего другого не остается, иначе меня возьмут на подозрение. И что я им расскажу? Ни имени, ни фамилии – не знал и не знаю. Могу описать, могу заявить, что признал в маске, могу рассказать, что, сам дурак, навел на свой кабинет с пультом – большое спасибо мне скажут.

– Да, это понятно, – согласилась Алла немного поразмыслив. – Положение хуже губернаторского, я бы сама молчала в тряпочку при таких условиях. Но зачем меня в розыск объявил, почему не сказал, что бандиты взяли в заложницы учительницу английского языка? Скажем, беседовали вы с нею на иностранном языке, они ворвались... Я бы подтвердила слово в слово.

– Соображай головой, зачем им заложница, если они меня не знают, только контору обули? – спросил инженер Костин угрюмо. – Они себе путь прикрыли – никто не пикнул, могли все на хрен взорвать и сжечь. Если бы я сказал, что тебя увели и мне пригрозили, то непременно кто-нибудь догадался бы спросить. «А чего они боятся, если уже уехали? Что ты знаешь, главный инженер хренов, о чем молчать должен? И почему не тебя взяли, а ее?»

– А действительно, почему? – поинтересовалась Алла.

– Не знаю, – сознался Шура Костин. – Кто их к черту разберет? Может сдуру, а может быть, еще зачем-то. Понимаешь, чем меньше я ментам расскажу, тем меньше будет вопросов. Все равно я знаю мало и доказать ничего не могу. Сейчас не могу.

– То-есть? – заинтересовалась Алла. – А когда сможешь?

– Видишь, есть одна зацепка, без охоты сознался Шура. – Может быть, я смогу достать улику и посообраааажать. Но это сложно и без гарантии. Если получится, то разговор будет совсем другой. Сейчас я думаю, и очень прошу тебя подождать, посидеть тихо. Потом посмотрим.

– Теперь я кое-что поняла, – сообщила собеседнику Алла. – Тебе нужно время, чтобы достать свою улику. Когда добудешь, то сможешь доказательно объяснить, что произошло и почему ты молчал. И зачем меня подставил. Тогда я смогу не бояться, что меня опознают. О твоих планах и что за улика, не спрашиваю. Все равно из тебя не вынешь, разве что начать допрос с пристрастием.

– Это как? – поинтересовался Шура Костин.

– Это с применением пыток, – объяснила Алла. – Я не умею, и мне такие методы не нравятся.

– Зря прибедняешься, – заметил инженер Костин. – Ты мне еще тот допросик устроила, все вынула, что хотела.

– Отнюдь, – возразила Алла. – Мне про твою улику очень любопытно, но я себя сдерживаю, понимаю, что лишние знания ни к чему. И так знаю больше, чем нужно. Но, извини, опять возвращаюсь к нашим баранам...

– Какие к черту бараны? – на этом этапе допроса инженер Костин не выдержал и сломался. – Выражайся проще, я живой человек, нормальный мужик, а не твой лохматый мазила! Ты с ним и со своими мальчишками бедными так разговаривай, им деваться некуда, они стерпят! Ты думаешь, что очень культурная, ты хуже любой стервы вокзальной! Мотаешь нервы и улыбаешься!

– Прости, я не хотела тебя обижать, – переждав паузу, продолжила Алла. – Про баранов – это цитата, из классической французской комедии. Значит, что люди все время возвращаются к надоевшей теме. Лично тебя никто в виду не имел, поверь. И постарайся не перебивать, я тебе не невеста, а соучастница, твое мнение мне безразлично в высшей степени. Кстати, я не давала оценок и свое мнение держу при себе. *Nota bene*.

(Шура Костин мрачно молчал, но стиснул зубы.)

– Так вот, о баранах, – бесстрастно продолжила Алла Кирилловна. – Я хотела предложить вариант на тот случай, если улика не подоспеет, а нас попросят объяснить, вместе или порознь. Вариант унижительный, но правдоподобный. Можешь сказать, что побоялся жены, поэтому ничего толком объяснить не смог и не хотел.

– Не понял, – нерадостно промолвил Шура Костин. – При чем здесь жена?

– Представь, что бандиты застукали тебя в кабинете с любовницей, и взяли ее в заложницы, – бесстрастно предположила Алла. – Для страховки. После ты постыдился признаться, что на рабочем месте предавался разврату, к тому же испугался, что жене станет известно. Расскажи что-нибудь про жену, какая она ревнивая и безрассудная, или что побоялся всенародного разоблачения. Я могу подыграть, так и быть жертвую репутацией. Будет неприятно, но жить останемся. Это на случай очной ставки, называется согласовать показания, старый трюк. Но лучше, чем...

– Скандал будет изрядный, но за это не сажают, – согласился Костин. – Что ж ты сразу не подсказала? Мы тут время теряли.

– А я на самом деле так и думала, – пояснила Алла. – Ты уж меня извини.

Шура Костин проглотил унижительное обвинение молча, видно было, что он усиленно думает о другом. Не исключено, что поздравляет себя с тем, что избежал опасности вступить в брак с кошмарной бабой, по сравнению с которой вздорная супруга Лидка представилась сущим ангелочком.

– Тогда мы вроде уладили, – Шура наконец прервал молчание. – Деньги за уроки, вот они. Извини, что так получилось. Я появлюсь попозже, так будет лучше. Мальчишкам передай привет. Английскому ты учила хорошо.

– Спасибо на добром слове, – не осталась в долгу Алла Кирилловна. – Мне жаль, что все так нескладно обернулось. Однако, друг мой Шура, ты пожалуйста не забудь, что вариант показаний, губительный для моей репутации – временный, пока ты не нашел улику. За здорово живешь я такую роль играть не хочу, у меня дети и работа, может быть, замуж соберусь со временем. Репутация мне пригодится.

Шура почти встал из-за кухонного стола, но прощальное слово хозяйки вернуло его обратно.

– А мне, думаешь, приятно будет? – со всем возможным сарказмом спросил он. – У тебя одной, что ли, репутация? Надо мной смеяться станут до упаду, между прочим. Ты жертву из себя не строй!

– Ужасным мужем ты бы оказался, – как бы в раздумье произнесла Алла. – Я толкую о деле, а ты счеты сводишь, как баба, право же... Так вот, выражаясь проще: я жду не просто, а определенное время. А то рискую не дожидаться. Через две недели, не позже, ты объявляешься и докладываешь. Как с твоей уликой, в каком мы положении, и перевел ли ты меня из наводчицы в пострадавшие. Если тебя не будет, я буду наводить справки сама, начну с твоей жены Лидки. Я не угрожаю, я вношу ясность в дело. Если мне придется остаться в неопределенности и в розыске, то я потребую компенсации за моральный ущерб. За твоих друзей-бандитов, за прогулку в их машине и за свидание с поездом на рельсах надо платить. А учеником ты был неплохим. До скорого!

– Это какая компенсация? – спросил Шура Костин без всякого удовольствия. – Деньги?

– Именно, – согласилась Алла. – Так что старайся с уликой, будет выгоднее.

– Однако тебе палец в рот не клади, – заявил на прощание Александр Иванович Костин, но в голосе у него слышалось больше уважения, чем негодования.

Закрыв дверь за полуночным гостем, Алла открыла окно на кухне, чтобы табачный дым скорее выветрился, и секунду постояла, вдыхая сыроватый ночной воздух. Последнее условие, выдвинутое незадачливому соучастнику, требование денежной компенсации – вот что удивило ее самое. Ничего подобного Алла не планировала, сказалось помимо ее воли, наверное от сад-

нящего чувства обиды. Шура Костин не принимал ее интересов во внимание, обходился с нею, как с лишней деталью в головоломке, спешил ее устранить и отбросить. Свинское отношение к ней лично волновало Аллу Кирилловну мало, однако ситуация выявилась сложная, а компаньон по несчастью заботился исключительно о себе.

"Так дела не делаются, особенно рискованные", – думала Алла Кирилловна. – "Но с моей стороны получился явный шантаж, даже вымогательство..."

Однако долго размышлять было некогда, следовало дать себе отдых. Киднэпинг, шантаж и прочие прелести лучше обдумывать на свежую голову, а слишком ранним часом мозги отключались на ходу. Алла погасила свет в кухне, но заколебалась на мгновение с импровизированной пепельницей в руках, на этот раз они стряхивали пепел в пустую железную банку. Окурки в помойном ведре могли вызвать вопросы и догадки. Алла не хотела лгать мальчишкам, но говорить им правду особенно не стремилась.

Следовательно, улику надлежало вынести на лестницу, поставить банку на подоконник. Или просунуть сквозь окно в ванной комнате, оно выходило на лифтовую шахту, там была приступка. В бытность Аллочкой Трехглазкой она всюю пользовалась этим пространством, как тайником. А мальчишкам запрещала подходить к окну в ванной комнате после ужасного случая, когда пятилетний Кирюшка чуть не выпал в лифтовую шахту. Потрясение и его заставило держаться от окна подальше, в свою очередь Кирилл строго оберегал Дениску от опасных поползновений. Таким образом причуда дореволюционной архитектуры, большое окно с видом на лифт, оставалось в их доме под строжайшим запретом.

Чтобы не соваться лишний раз на лестницу посреди ночи, Алла решила обновить тайник. На сей раз он сослужил ценную службу. Взобравшись на край ванны и приотрыв окно, Алла готовилась просунуть в щель проклятую банку с окурками, когда поняла, что лифт поднимается и очень скоро достигнет ее этажа.

Естественно, что в такой час раннего утра движение лифта показалось подозрительным, особенно вкупе с криминальными обстоятельствами последних дней. "А вот и киллеры," – с неуместным весельем заключила Алла. "Не иначе, как у Шуры в машине сидели, нечего было с бедняги денег требовать, так с шантажистами и поступают!"

Алла распахнула окно и почти высунулась в шахту. Так можно было увидеть, кто выйдет из лифта, и остаться незамеченной. Кабина лифта медленно затормозила и встала. Двери открылись и стали закрываться, и в сторону ее квартиры тихим ходом двинулась затемненная большая фигура в темном балахоне. Непривычный угол обзора придавал зрелищу такой пугающий характер, что нервы у Аллы не выдержали.

– Кто это? Стой, замри! – отчаянно выкрикнула она, потеряла равновесие и взмахнула рукой, в которой сжимала жестяную банку из-под Nestle Classic.

Зловещая фигура действительно замерла и застыла вполоборота. Позиция Аллы представлялась неуязвимой. От площадки шахта отделялась частой решеткой высотой в человеческий рост, окно ванной располагалось выше, оттуда можно было стрелять, метать ножи и бросать гранаты, не опасаясь ответных действий. Банка Nestle Classic, надо понимать, превосходно сошла за гранату, особенно на первый взгляд при плохой видимости.

Незнакомец медленно поднял руки вверх и еще медленнее стал поворачиваться лицом к опасности. Одну томительную секунду Алла ощущала, как ноги уплывают и подступает бархатная тьма, но симптомы испарились мгновенно, когда к ней пробился голос Миши.

– Я пьян, конечно, не отрицаю, – проговорил он вкрадчиво. – Но не до такой степени, чтобы швырять в меня гранаты, или что там у тебя. Опомнись, Трехглазка, зачем ты сторожишь людей на лестнице и немилосердно их пугаешь?

– Сейчас, подожди, – проговорила Алла с досадой.

Испуг прошел, как-будто не было его совсем, но неудобная поза, подвернутая нога и проклятая банка в руке оставались, со всем этим надо было управиться. Слезала она с парапета

старинной ванны томительно долго, потому что не могла встать на больную ногу, а здоровая требовалась для опоры. Явно не хватало третьей, но ее, увы, не предвиделось. Чертова банка занимала руку, но бросить ее было некуда, окурки просыпались бы, собирай их потом. Цепочка на дверях тоже не желала открываться, опять банка мешала. Когда Алла отомкнула дверь, чтобы впустить еще одного незванного гостя, она и впрямь досадовала, что банка не взорвется, так хотелось ее в кого-нибудь швырнуть.

Мишу она сначала не увидела и с бешенством подумала, что негодяй заставил ее открыть ему дверь, и не дождавшись, отправился восвояси. Однако взглядевшись, Алла обнаружила, что не вовремя пришедший домработник сидит на верхней ступеньке лестницы и дремлет, прислонившись к стенке головой. Фигура спящего была окутана широким и длинным плащом темно-синего цвета, складки придавали ему живописный вид падшего ангела. Низвергнутый с небес, ночной пришелец очевидно приземлился на помойку, поскольку одеяние пестрело пятнами разного происхождения, не исключено, что плащ служил целому обществу палаткой, одеялом и скатертью. Ранее Миша в таком виде не появлялся и правильно делал, она бы не постеснялась выдворить его прочь. Такой пример для мальчиков она считала нежелательным.

Алла позвала негромко, затем легонько потрясла за плечо, но Миша не просыпался. Последующие попытки разбудить его, художник-домработник встречал невнятным бормотанием и вновь преклонял голову к стене. По всей видимости, внезапный визит к месту службы вкупе с оригинальной встречей подкосили его окончательно. Миша впал в забытие, вернуть к жизни его мог только медвытрезвитель.

По этой части Алла не блистала. Ни один мужчина в ее жизни не злоупотреблял горячительными напитками, вследствие чего обращаться с пьяными она не умела. И не стремилась обрести навыки, надеясь, что обойдется и впредь. Поэтому после нескольких безуспешных попыток она решила оставить все, как есть. Не тащить же в квартиру мертвецки пьяное тело, к тому же большое и тяжелое.

Алла поставила банку с окурками подле спящего (они недурно гармонировали) и удалилась к себе. На эту ночь приключений с нее было более чем достаточно. Сон пришел сразу и был бестревожен.

Наконец упоминается имя

Наутро бурно начатого дня Алла проснулась с опозданием (было уже светло) и сразу услышала, что квартира полна непривычной деятельностью. Кто-то ходил и бегал по коридору, в кухне готовили, дети деловито пререкались между собой и с кем-то третьим. Выйдя из спальни в халате и непричесанная, Алла обнаружила, что мальчишки собраны в школу и ищут ключи в прихожей. На кухне Миша готовил завтрак для хозяйки. Кирилл и Денис разобрались с ключами, попрощались и отбыли без опоздания, что случилось с ними нечасто.

Только после второй чашки кофе Алла почувствовала себя в силах спросить, как Мише удалось пробудиться для выхода в утреннюю смену и следует ли отгул вечером, для продолжения веселья. Также она выразила надежду, что спалось ему на лестнице не слишком плохо.

– Божественно, – заверил Миша. – Спал, как младенец, а когда проснулся, обнаружил запас превосходного курева. Подумать только – бычки от "Кэмела"! Я сразу понял, что ты обо мне позаботилась, растрогался до слез и решил облегчить утренние часы, отправить парней и сварить кофе.

– Благодарю, – отозвалась Алла. – А ночью тебя что принесло? Хотел пожелать мне приятных сновидений?

– Понимаешь, какое дело, – с раздумьем ответил Миша. – Я не все хорошо помню, но тогда показалось, что прийти просто необходимо. Подожди, я восстановлю картину. Кстати, ты меня чуть не застрелила, возникла из стенки, кричала: "Руки вверх!", потом испарилась. Или мне приснилось?

– Это неважно, – уклончиво объяснила Алла. – Ты вспомни, если можешь, что было до того.

– Ага, и окурки "кэмеловские", все сложилось, вот такая икебана, – заявил Миша. – Слушай сюда, Трехглазка, как было дело. Я сам все утро удивлялся, какой черт меня к тебе занес в неурочное время. Я, видишь ли, провожал гостей. Тут черт ногу сломит в подворотнях, и темно. Ну вот, я вывел их на улицу и повернул обратно, пошел через железные ворота, сквозь дырку. И увидел: из арки шагает знакомая фигура в кожаном пальто, следует быть твой ученик. Мне до твоей частной жизни дела нету, какие ты даешь уроки и в какое время, у каждого свой вкус. Я бы повернул и забыл, но друг в кожаном пальто прошелся вдоль сугроба и сел в машину. Не в свою. Он на "Жигуле" ездит, я запомнил, а тут сел в "Мерс" багрового цвета, завел и поехал прочь. А я стоял и думал ему вслед – может, он новую тачку приобрел, а может... Вдруг с налитого глаза припомнил статейку, от которой ты обомлела, тоже инженер действовал, и его грабанула дамочка в синем, на тебя похожая. Неприятная и неясная картинка просмотрелась. Извини, конечно, может, померещилось, но захотелось узнать, как ты там жива-здоровая. Ну вот захотелось и все, не смог себя удержать. Свернул к дому, глянул из двора на ваши окна. На кухне свет вовсю, рама открыта, и прямо при мне – свет гаснет и мелькает некая фигура. Готический ужас. Тут я побежал галопом, но не прочь, а наоборот, взлетел на лифте, метнулся к твоей двери. Дальше вроде ты появилась из стены и грозила чем-то смертоубийственным. Я упал под дверь, молил о пощаде и незаметно заснул. Так вот, скажи, с какого момента были бредовые сновидения? Или этот, в пальто, тоже пригрезился на багровом "Мерсе"? Тогда я срочно пойду кодироваться, не желаю, чтобы такое являлось! Ты с автоматом из стенки – туда-сюда, деловые кошмары, но на инженера в пальто я не согласен, на багровые "Мерсы" тем более! Я художник, а не ларечник, такие пошлые галлюцинации мне оскорбительны!

– Успокойся, инженер был на самом деле, – мучения друга детства были для Аллы непереносимы. – Про багровый "Мерс" ничего не знаю, а я усмотрела тебя сквозь окно в ванной. Оно на лифт выходит. И спросила: "Кто там?" Потому что в ужасной хламиде ты мне не понравился. Не узнала, короче говоря.

– Более-менее теперь проясняется, – благодушно отозвался Миша. – Хотя бы не видения, и то неплохо. А то, понимаешь, у художников есть такое профзаболевание – белая горячка называется. Приходится все время опасаться. Ты проявила чуткость – не поленилась растолковать. А то супруга, вторая по счету, или третья, вместе с тещей меня чуть в дурдом не наладили. Сами принесли в дом черного кота, маленького и наглого, ничего мне не сказали. Я вечером пришел на кухню, сел пить чай, они обе спали, вдруг сверху на меня прыгает черный котяра, лезет на стол и там боком скачет. Ну, померещилось, что он не один, мелькал слишком быстро, я заорал про чертей, мол, брысь, проклятые. Эти выскочили, увидели, что я не в себе, давай сразу названивать, санитаров им пришлите, нет, чтобы про кота объяснить. Хорошо, что котик умный оказался, при санитарях вылез, а то – пиши пропало, перевозка и смирительная рубашка. А про твой дом я в детстве разные байки слышал. Про архитектурские причуды и стеклянные колодцы в неожиданных местах. Почему теперь не видно ничего?

– Лифты потом встроили и сеткой огородили, для безопасности, раньше вообще была стена из стеклянных плиток, отделяла пролет от лестницы. Наверное, у архитектора крыша поехала или у заказчика. Зачем-то им понадобился стеклянный колодец и ванны с окнами, все на него выходят. Зайдешь помыться – полный сюр, как в театре абсурда – соседи в каждом окне, друг с другом здороваются. Потом догадались, половину окон заложили, и лифт пустили, только несколько окон осталось. И снаружи не видно, – добросовестно объяснила Алла.

Разговором о бредовой архитектуре собственного дома она хотела отвлечь Мишу от неприятной темы, ей не понравились догадки насчет ночного визита Шуры Костина. Алла не настолько доверяла Мише, чтобы обнародовать совместные с Шурой похождения, скорее всего потому, что у художника информация могла не удержаться. Поэтому она не остановилась, а толковала с увлечением.

– В других подъездах окна не в ваннх комнатах, а в кухнях, тоже колодцы. Зато там фонари сверху, под крышей, а у нас за лифтом целые стеклянные эркеры, – рассказала Алла.

– Угу, здорово, – согласился Миша. – Чего только не узнаешь, стоит заявиться невовремя. Тогда скажи заодно, о чем вы с инженером так поздно толковали, и моя душа будет спокойна. Не обижайся, Трехглазка, я не суюсь в твою личную жизнь, но мальчишек жаль в случае чего. Видишь ли, утренний презентик меня насторожил. Бычков в банке было много, из них два – длинные с остатками помады, как в плохих детективах. Зная твои привычки, нетрудно вычислить, сколько вы толковали. Разговор был не из приятных – он курил много, гасил круто, в банку прямо-таки вкручивал, явно злился, но на тебе сорвать не мог. Однако напугал – ты потом на меня накинулась. Я прав? Или не мое дело, тогда скажи прямо.

Алла посомневалась, затем рискнула исповедаться. Разговор с Шурой Костиным Миша вычислил здорово, багровый "Мерседес" усмотрел лихо (Шура вскользь обмолвился, что взял у богатого друга для конспирации, чтобы не светиться около Аллы), а самое главное, вплотную подошел к правильной догадке на основании косвенных улик. Консультант и свидетель Алле не помешал бы ни в каком случае. Конечно, в плане надежности можно было пожелать лучшего, но народная мудрость не зря утверждает, что ум хорошо, а два... Даже если второй временами близок к белой горячке.

– Эркюль Пуаро, – Алла прибегла к явной лести. – Шерлок Холмс, патер Браун и "горячка в белом". Так и быть, я сдаюсь, но предупреждаю, что тогда ты будешь знать слишком много. На твоём месте я бы особенно не настаивала.

Однако Миша не внял предостережениям и внимательно выслушал историю с начала и до конца. Для другой аудитории Алла внесла ту же поправку, сообщила, что залетела в офис к инженеру Костину отказать в руке и сердце, а вовсе не соглашаться. И не один из глупцов не задал вопроса, к чему тогда было спешить? Любой женщине, даже самой недалекой, вкрутить такую мотивировку не удалось бы. Видит Бог, с подобными новостями не торопятся, напротив, стараются дотянуть до последней минуты.

– Я, собственно говоря и раньше догадывался, – сообщил Миша, когда Алла прекратила рассказ. – Он в последнее время осматривал квартиру с большим интересом, а меня с большим неодобрением. Кстати, детишки ревновали, обзывали его по-всякому. В качестве папаши он им не глянулся, поверь на слово. Я-то, честно говоря, думал, что он прикатил на багровом "Мерсе" делать предложение, а ты не согласилась. Но вот кого ты у лифта стерегла, оставалось загадкой, теперь ясно – киллеров, а я некстати подвернулся.

– Очень мне нужны твои догадки и сплетни, – слегка обиделась Алла Кирилловна. – Я думала, ты подскажешь выход из дурацкого положения, придумаешь полезный совет, раз напросился в конфиденты.

– Это – увы, – печально признался Миша. – История у тебя сложилась – хуже некуда, хорошо что цела осталась. А я работник плиты и веника, ну, картинку при случае нарисую, при крайней нужде сойду за телохранителя, если привлечешь.

– Плащ свой синий не забудь, – посоветовала Алла. – Он у тебя нервно-паралитический. И маску, пожалуйста, не надевай – не будет того эффекта.

Действительно, внешностью Миша обладал вполне устрашающей. В лучшем случае он выглядел, как Бармалей в молодости, разве что без бороды. Однако мощное телосложение, жесткая черная грива и пиратские усы скобкой в наличии имелись. В старших классах Миша носил кличку "Джавед" (в честь незримого, но отрицательного персонажа культового фильма «Белое солнце пустыни») и прозвищем гордился. В его родословной имелись отдаленные тюркские и семитские предки, им Миша был обязан свирепым янычарским обликом. Его вкрадчивые кошачьи манеры и разболтанное обаяние служили превосходным контрастом, надо сказать, что впечатление Миша производил довольно сложное.

Сначала люди пугались, затем очень скоро начинали злоупотреблять излишней доверчивостью мнимого Бармалея, но не без опаски. Однако без дела Мишу никто не обижал, так что телохранитель из него мог получиться сносный. Кстати, с детьми Миша справлялся превосходно, мальчишки его слушались – весело и без особого напряжения.

Аллу немного смутил тот факт, что Миша попросил поделиться тайной, потом утратил от совета, но настаивать было не с руки. Работник плиты и веника, по первой профессии художник, с детских лет был упрям, своенравен и себе на уме. Соперничать с ним в лукавстве Алла не желала, потому что не могла. И так их отношения простотой не отличались, особенно на службе у нее дома. В случае любого разногласия Миша заявлял: "Чего изволите, матушка-барыня, мы всегда с нашим удовольствием, только прикажите." При детях Миша держал себя, как добровольный гувернер и многолетний друг дома, а наедине с Аллой чередовал роли друга детства и дерзкой богемной стрекозы, зимующей у прозаического муравья и готовой расправить крылья с первыми лучами весеннего солнца. До третьей роли Алла его просто не допускала.

Ночное приключение на лестнице отчасти смешало привычные амплуа, но Миша вовремя спохватился, вспомнил о кухонной роли и с ходу стал прибедняться. Мол, он годится для устрашения супостата, а по части житейских советов – слаб и беспомощен. Такие повороты мыслей и намерений Алла за Мишей Званским знала с юношеских лет, так что не обиделась и не удивилась. И чтобы не вводить приятеля в искушение по части следующей роли, Алла закончила кофепитие и засобиралась на работу, хотя время не подошло.

Несравненно удобнее почитать пресловутый "Трон Земли" на скамейке в метро, чем дать возможность сыграть домработнику Мише роль беспечного соблазнителя. Довод в процессе Миша приводил убийственный: мол, от кого убудет? В таком спектакле у Аллы оказывалась проигрышная партия. Если честно признать, то сформулировать отказ она затруднялась даже для себя лично. Но тем не менее, отказываться продолжала, признавая в секрете, что в основном из-за хорошего воспитания, а в остальном непонятно почему. Отчасти по этой тщательно

скрываемой причине Алла Кирилловна заторопилась ответить согласием на брачное предложение главного инженера Костина.

Увы, в реальной жизни все сложно и взаимосвязано до полного безобразия, в который раз заметила Алла, торопливо собираясь из дому и засовывая в сумку "Трон Земли". Миша не стал удерживать хозяйку, но пообещал быть на месте

к ее возвращению. К той минуте, как дверь захлопнулась, все вернулось на свои места.

"Вот только о них и думать", – возмущенно толковала себе Алла Кирилловна, пока шла к станции метро "Чистые пруды" и делала пересадку через "Тургеневскую". – "Мало того, что голова пухнет от денежных проблем, попробуй прокорми семью на эту зарплату! Мало мне мальчишек с трудным возрастом, а легкого я у них пока не заметила... Так навязались на мою голову эти типы, у каждого свои претензии. Один хотел жениться по расчету, другой желает свободной любви по принципу "почему бы и нет?". Хоть бы кто поинтересовался чего хочу я!"

В сером подземелье станции "Чистые пруды" Алла отыскала свободную скамью, вытащила из сумки "Трон Земли" и углубилась в чтение. В издательстве ее решения ждали на следующий день, сделали большую любезность, позволив ознакомиться с сочинением. Обычно переводчики брали, что дают, благодарили и кланялись.

По этому небу беспрестанно ходила радуга, то крупными эллипсами, то свиваясь в причудливые кольца и сложные узоры из тонких цветных нитей. Бирюзовый цвет воздуха далеко в вышине и аметистовый цвет морского залива сообщали прозрачным белым зданиям на берегу невообразимое множество полутонов и оттенков. Балконы, нависающие над морем, и широкие лестницы, спускающиеся к воде, казалось, поминутно меняли не только только цвета в глубине полупрозрачного камня, но и очертания. Все сущее едва уловимо менялось и оставалось тем же, будто дышало в едином ритме. Легкие дуновения морского ветерка и движения сложных теней создавали впечатление, что террасы и ступени парят над морем и почти не соприкасаются с сушей. Этот мир зачаровывал и пленял легким дыханием...

Именно такими были сконструированы условия для тяжелой непрерывной работы его избранных жителей. Величайшее благо мыслящего мозга – полная открытость и тончайшая восприимчивость требовали особого вида телесного и психического комфорта, обозначаемого и принятого к исполнению, как "легкое дыхание".

Алла быстро черкала ручкой по странице блокнота, сверяя скорость чтения с оборотами, которые набирала в голове переводческая машина. К концу отрывка русские фразы формировались одновременно с усвоением английских. Так работать было возможно, если конечно уровень шума в доме не превысит того, что сотрясал станцию метро поздним утром.

Алла подчеркнула "легкое дыхание", поморщилась и пришла к выводу, что авторша, некая Синди МакФерсон, должно быть проходила творчество Ивана Бунина в каком-то захолустном колледже Айовы или Оклахомы. Американцы деловые ребята, у них не крупинки не пропадает. И еще они говорят, что нищие не должны быть привередливы. Алла торопливо скомкала блокнот и поднялась со скамьи.

Подоспевший поезд помчал ее по темному туннелю, а в голове мысли вертелись и свивались в "эллипсы и причудливые узоры". Узор № 1 вмещал тяжкую работу по переложению "Трона Земли" на русский литературный в малые сроки, но за приличный гонорар. Вокруг работы вращались домашние дела и служебные обязанности. Вернее всего, что творение Синди МакФерсон займет вечерние и ночные часы. Дети правы, срочно необходим компьютер, иначе "Трон" не сдвинется с места.

Узор № 2 вышивался по криминальной канве. О чем бы ни договорились они с Шурой Костиным, оставалась возможность, что ее достанут по подозрению в бандитизме. Жить с такой перспективой было несладко, но к этой мысли необходимо привыкнуть или предпринять нечто для обеспечения своей защиты и безопасности. В печальный исход криминальных обстоятельств Алла не особенно верила, но неприятности могли быть крупными.

Третий узор ткался из стыда и раскаянья – глупых и опасных приключений можно было избежать. Если бы Алла не вообразила, что может облегчить жизнь, пойдя замуж за обеспеченного и Шуру Костина. Результат не замедлил сказаться, все запуталось и осложнилось на порядок, то-есть в десять раз. Но кроме себя, винить было некого, хоть застрелись! И надеяться оставалось тоже только на себя.

Естественно, что приехавши на службу, Алла забыла о посторонних предметах и преподавала иностранные языки с полной отдачей, легко переключаясь с одного на другой. Хорошо, что ученики на послеобеденное время не планировались, Шура Костин выпал из обоймы и оставил пустое место.

Домой Алла ехала, преисполненная благими намерениями, то есть перехватить кусок и углубиться в перевод "Трона" на свободе. Положительное решение пришло само, и Алла заранее внушала себе симпатию к произведению Синди МакФерсон. Надо позвонить в издательство и обрадовать детей – компьютер теперь требовался всем, пускай выбирают и приобретают.

– Тебе телефонограмма, – сообщил Миша, в момент, как Алла отворила дверь и вступила в коридор. – Звонил мужской голос, мне не открылся, просил быть дома вечером для важных переговоров. Извини, я не добился, кто звонил. Хочешь, я побуду и поддержу тебя морально.

– Я не возражаю, – устало ответила Алла.

Думать о мужских голосах инкогнито ей очень не хотелось, лучше заняться "легким дыханьем" на просторах "Трона Земли".

– И знаешь, что, – возник Миша после обеда и совместного с мальчиками мытья посуды. – Я кое-что надумал. Имеется одна девушка, она тебе поможет.

– В каком смысле поможет? – спросила Алла, она только что дозвонилась до издательства, оговорила условия перевода, и думала о «Троне Земли». – С переводом не будет проблем, если вы наладите компьютер.

– Да нет, я не об этой роскошной бредятине. Я знаю, что ты переведешь, этот "Трон" навел на мысль. Она, понимаешь ли, тоже иногда этим занимается, – сообщил Миша и запутал Аллу окончательно.

– Чем занимается? Кто – о на? – нетерпеливо спросила Алла, видит Бог, только непонятной девушки ей не хватало!

– Видишь ли, Трехглазка, – серьезно отвечал Миша. – Ты ухитрилась задать самые трудные вопросы. Я знаю немного, даже чуть меньше, чем немного. Знаю, что девушку зовут Катя, что она возится с дешевым чтением и таскает книжки с собой. Еще знаю, что она работает в частном сыске, помогает женщинам со сложными проблемами. При мне она занималась с одной сумасшедшей девкой. Потом прятала какой-то опасный портфель поздно ночью и брала меня с собой для устрашения. Вот я и вспомнил о ней. У тебя дела по ее части, может, она даст полезный совет. Ведь не помешает?

– Частный сыск – это хорошо, – протянула Алла. – Но дорого, как я понимаю. Или эта Катя так хорошо к тебе относится, что подскажет даром?

– Относится она ко мне хуже, чем ты, – сознался Миша. – Просто за человека не считает, как я понимаю. Хотя ценит некоторые качества. По-моему, она малость феминистка, поэтому к тебе может расположиться. Очень уж невыгодно смотрятся вокруг тебя мужики, включая меня. Совершенно никчемные придурки, ни помочь, ни защитить.

Миша мог долго предаваться самобичеванию, но Алле приступ покаяния был совсем без надобности, и она его прервала.

– Это я сама знаю, и девушка Катя разберется, если ты ее достанешь, – согласилась она. – Но захочет ли помочь за малые деньги – вот это...

Алла не успела закончить, как возник телефон и в трубке послышался мужской голос, о котором предупреждал Миша. Всего-навсего бывший муж Вадим Барсов напоминал о своей финансовой просьбе и убедительно ее мотивировал. В их министерстве зарплата стала фикцией, жена сидела дома с малышкой, они оказались на грани голода и нищеты. Вадим был уверен, что Алла и мальчики такого допустить не могут, он их родной папа, а Милочка – младшая сестричка.

Звучал Вадим Барсов как профессиональный нищий и находился в уверенности, что излишек денег у брошенной семьи принадлежал ему по праву. Как ни хотелось Алле сказать: "Почему тебе не наняться в магазин грузчиком?", она воздержалась. Невзирая на любые обстоятельства, Вадим Барсов оставался отцом мальчишек и был им нужен. Обойдись Алла с ним резко, Кириллу и Денису было бы неприятно, и никакая правота Аллу не спасла бы. Она выслушала, тяжело вздохнула и выдала заготовленный ответ.

– Мы с ребятами посоветовались, они не возражают, – сказала она. – Приедут к тебе в субботу, все расскажут. Может быть, деньги привезут, как получится. Но займы, я хочу, чтобы они сохранили к тебе уважение. Им рановато брать на содержание папашу и его новую семью. А у меня таких обязательств нет.

– Однако, ты язва, Трехглазка, – печально заметил Миша, он присутствовал при телефонной беседе бывших супругов и так увлекся, что забыл покинуть помещение. – Если ты с инженером в пальто так беседовала, то киллеров ожидала не зря, смею заверить. Это не феминизм, это гораздо хуже, даже я чувствую себя козьявкой, хотя свое содержание отрабатываю честно.

– Имеешь все основания, – отрезала Алла. – У тебя тоже ребенок растет без отца, и кормишь его не ты. И когда менял жен, о сыне думал меньше всего, знал, что мамаша о нем позаботится. А если бы я или твоя очередная жена отдали детей в детдом, потому что муж бросил – то все бы нас презирали. Для вас очень удобно, я согласна. Вадим ушел потому, что двое маленьких детей его напрягали, мешали жить свободно и красиво. А ты – почему?

– Ну, молодой был, глупый, женился в восемнадцать лет, парня любил, с женой не ужился, – признался Миша.

– Бог с вами, не хочу об этом разговаривать, – закруглила беседу Алла. – Если твоя девушка сможет дать полезный совет за скромную плату, то буду признательна. А если мы с нею потолкуем о феминизме за чаем, то просто очаровательно.

– Ладно, попробую ее достать, хоть это нелегко, – отозвался Миша. – Видишь ли, я даже не знаю, где она живет, и как ее фамилия. Бывал с ней в компании, потом встречал пару раз случайно. У нее поразительная способность исчезать мгновенно и появляться ниоткуда. К тому же она считает меня рэкетиром, или кем-то вроде того. Но я знаю, где можно спросить.

– Сделай любезность, спроси, умный совет не помешает, – согласилась Алла.

И не стала вдаваться в подробности отношений Миши с таинственной девушкой. В принципе она догадывалась, это было нетрудно. Достигнув предварительной договоренности, они углубились в дела: Миша пошел к детям помогать делать уроки, а Алла принялась за "Трон Земли" не отвлекаясь на домашние шумы.

...Выявилось, постепенно и неумолимо, что в сфере подсчетов и направлений произошла ошибка. Многолетняя подготовка и подгонка личности, колоссальный труд многих персон и систем обесценился необъяснимым просчетом. Та персоналия, которую надлежало дублировать, несомненно существовала на искомой планете, но не состояла в позиции власти, и оказалась затерянной среди миллиарда населения. А с ней и миссия, к которой Илея готовилась всю свою сознательную жизнь.

В поисках улики и консультанта

– Способ контакта с отсталыми планетами они разработали сложный, – делилась информацией Алла. – Для начала разведчики собирали информацию и закладывали в грозди мыслящих кристаллов. Кристаллы мыслили и выдавали программу контакта. Далее среди туземцев искали агента влияния и формировали ему двойника, чтобы задействовать в нужный момент. Но у кристаллов произошло замыкание, они вычислили не того туземца, заложили в программу и не заметили. Когда девушка Илея приготовилась, выяснилось, что ей некого дублировать.

– И что они теперь станут делать, эти самые заказчики? – поинтересовался Денис. – Устроят скандал своим кристаллам?

– А как же, – подтвердил Кирилл. – Вся программа псу под хвост!

– Ничего вы не понимаете, – снисходительно заметил Миша. – Они пострадают немножко и начнут искать выход из положения. Думать надо, в книге страниц 250, если не 300. Для одной расправы с кристаллами, даже самой зверской, будет многовато! Вам бы только стрелять и гоняться, а тут женщина писала, у нее другие интересы, она будет копаться в психологии.

– А что будет потом, мы узнаем позже. Когда я новую порцию сделаю, – пообещала Алла. – Теперь некоторым пора на отдых. Будете хорошо себя вести, расскажу продолжение. А вы отгадывайте, что будет дальше.

Детишки неохотно отправились спать, обсуждая одновременно параметры будущего компьютера и возможности мыслящих кристаллов, к которым отнеслись почти без всякого уважения. Сказавши сыновьям "Спокойной ночи", Алла стала обдумывать, как вежливо проводить засидевшегося Мишу, но телефонный перезвон прервал благие намерения.

Звонков последовало несколько, слышно было ужасно, но через полчаса Алла узнала следующее. Из нескольких автоматов, расположенных рядом, звонил Шура Костин в невменяемом состоянии. Сначала Алле померещилось, что он пьян вдребезги, потом оказалось, что Шура чрезмерно взволнован. Речи его были бессвязны и отрывочны, понять довелось с пятого на десятое.

...Дела пошли хуже некуда, рассказать он ничего не может (выкрикивал Шура), а она, Алла пусть действует, как договорились вчера. А еще... Вот он стоит у метро "Сокол", если глянуть направо, будет вывеска "Хренов Коллектор" большими буквами. Нет, конечно, приезжать сейчас не надо, он сам поедет домой к Лидке, хотел зайти к друзьям, но вот жизнь такая, хренколлекторная, хочешь, а не можешь... Вот наконец нашел приличный телефон, можно сказать быстро, если Алла не поняла. Над "Гидроколлектором" два окна, это квартира, там живут девочки Нина и Рита. Сейчас их дома нет, но они знают, что он должен прийти. Но он может не прийти. Если он не позвонит завтра или послезавтра, то нужно к ним сходить, они вытряхнут мешок и там найдется, что надо. Все, время истекло, тут народ ломится, он перезвонит...

Такой ребус преподнес Александр Иванович Костин по телефону поздно вечером. Если он не объявится в ближайшие два дня, то просит зайти в квартиру над каким-то коллектором и заставить девочек Нину и Риту вытряхнуть мешок. Из мешка Алле надлежит что-то взять. А с Шурой совсем нехорошо.

Алла призвала Мишу на совет, в результате их мысли сошлись на таинственной девушке из частного сыска. Миша обещал, что разыщет ее и доставит. Ни назавтра, ни на следующий день Шура Костин не позвонил. Прошло еще два дня, и Алла начала думать, что ей, пожалуй, стоит обдумать, не последовать ли путаным инструкциям, данным по нескольким телефонам-автоматам. Все это смахивало на скверный полицейский роман, и Алла сомневалась, способна ли она на указанные действия, а главное, нужны ли они ей.

"Может, вправду Шура Костин был непотребно пьян, может быть, условия изменились, он все сделал сам и забыл, что просил Аллу? И вообще. Ее никто не трогает, и черта лысого сдался ей Шура Костин с его странными заданиями," – так размышляла Алла в минуты, свободные от работы, детей и перевода. Иногда она позволяла себе мыслить вслух, это когда Миша Званский оказывался рядом. Толку от художника сказывалось немного, он обещал связаться с упомянутой девушкой, но постоянно возникали препятствия.

В добавление к прочим новостям Миша с мальчишками высмотрели и приобрели компьютер, "удивительно экономичную" модель и установили в гостиной в углу.

Чудо техники интересовало Аллу только если могло сойти за пишущую машинку, и она требовала, чтобы они наладили агрегат таким образом. Последовала пара громких скандалов с детишками, обе стороны обвиняли друг друга в тупоумии, далее понадобилось прикупить самый дешевенький принтер. Алла сначала не догадалась, что без печатного устройства ее работа с компьютером теряла смысл, потому что обходиться с гибкими дискетами не умела и не надеялась выучиться.

Наконец все утряслось, Миша добыл у знакомых сверхмодную программу и назвал ее "бабушка в окошке", дети издевательски смеялись. "Бабушка в окошке" сначала запутала Аллу до остоленения – стоило нажать не ту кнопку или шевельнуть хитрое устройство, называемое мышью, как нужная картинка улетучивалась, а на ее месте возникали требования и вопросы, их Алла понять не могла, не то чтобы осмысленно ответить. Способ ответа она тоже представляла себе плохо.

– Ты, мама, все-таки тупая, – неделикатно заметил Кирилл, в который раз водворяя на место нужную картинку, чистый экран, на котором она напечатала заглавными буквами "ТРОН ЗЕМЛИ".

Алла посулила чертей детям, «бабушке в окошке» и заодно Мише, он не предупредил о коварстве мерзкого устройства. После призвания нечистой силы дела пошли лучше, она сумела исполнить целую страницу текста почти без проблем. Вдохновшись успехом, Алла закрепила напечатанное в памяти устройства и смогла подумать о другом. Сидя перед экраном, Алла подозвала Мишу, соорудила на мониторе чистый лист и напечатала там огромными буквами:

ГДЕ ТВОЯ ДЕВУШКА? КОЛЛЕКТОР, КОЛЛЕКТОР, КОЛЛЕКТОР!

– Понимаешь ли, Катя достается крайне туго, – признался Миша. – Я почти исчерпал возможные способы. Первый раз я ее встретил в компании у знакомой приятеля. Эдакая восточная красотка, знает Катю хорошо, она рассказала о частном сыске. Но мой приятель Сеня укатил в Женеву на симпозиум, у его жены телефон восточной красотки спрашивать не стоит. С этой стороны – тупик. Потом Катюша возникла случайно в частной галерее, мы оба страшно удивились. Я вчера хотел узнать у владельца, как ее найти, но тот почти не помнит. Он вообще думал, что это я ее привел. Я раскинул мозгами и вычислил, что только Альбина. Не возникла резко, я сам запутался. Альбина – это его помощница, Артура, владельца галереи. Кроме нее никто не рискнул бы пустить незнакомого человека и оставить среди ценных полотен. Ну, сунулся я к Альбине, но ничего продуктивного она не помнит. Только, что они со старшей дочкой опаздывали к зубному врачу, и Катя осталась сторожить живопись. Кто Катю рекомендовал – Альбина затрудняется. Тоже тупик. Остался один способ, я примерно помню, где она живет, не Альбина, а Катя. Если хочешь, завтра могу проехать по маршруту и найти зрительно. Завтра суббота, есть надежда, что Катя дома. Как она меня встретит – уверенности нету. Это насчет девушки. А почему "коллектор" у тебя на экране три раза?

– Ты что, не помнишь? – возмутилась Алла. – Это главная путеводная нить! Шура Костин просил туда пойти поискать улику. Он кричал в телефон – «хренколлектор»! Потом пояснил, что написано "Гидроколлектор". Что это такое, без понятия. Можешь идти искать девушку, а я пойду смотреть, где этот коллектор, если оба окончательно сошли с ума. Мальчишки после школы отправятся к папаше, а мы пойдем на поиски.

– Ясно, давай посходим с ума, – согласился Миша. – Только знаешь что? Ты дай к Кате записку. Что я не без дела приплелся, а замешана угнетенная женщина. Не то она может спустить с лестницы. Я, честно признаться, ее немного боюсь.

Алла не стала комментировать, но исполнила просьбу, не отходя от компьютера.

Дорогая Катя!

Я слышала о Вас много лестных отзывов, поэтому хочу обратиться за помощью. Если Вы не возражаете, свое дело я бы предпочла изложить лично. Связаться со мной можно по телефону 212 -47- 52.

Алла Кирилловна Барсова

– Красиво получилось, – оценил Миша. – Суховато, однако впечатляет. Я побуду у тебя на посылках, как золотая рыбка. Завтра встану пораньше и пойду на поиски.

С этими словами Миша взял три экземпляра записки, заложил их в папку и отбыл к себе в студию на ночлег. И Алла Кирилловна осталась перед включенным монитором размышлять, к чему ей сдались намеченные действия. О бандитском эпизоде и розыске ничего не напоминало, жизнь вошла в колею, забот и дел прибавилось, Шура Костин исчез с горизонта. Чего ради она проявляет инициативу и подключает безответственного типа Мишу Званского? Его дело – кисть и метла, а с розыском непонятной девушки всякое может получиться. Знакомство с Мишей – худая рекомендация, причем для обеих сторон! Девушка может оказаться противной или излишне деловой, запросит кучу денег. С коллектором тоже... Ну, отыщет она квартиру, ну выйдут девочки, как их – Нина и Рита, и что им сказать! "Шура Костин просил вытряхнуть мешок"? И что искать в мешке? Одни сплошные глупости...

Чтобы привести в порядок мысли, Алла создала у "бабушки в окошке" особый файл, назвала его "гепуха" и набрала все, что запомнила по "коллекторному" делу. Только станция метро отложила в памяти не слишком точно: "Динамо", "Аэропорт" или "Сокол". Алла всегда путалась в этих станциях, могла слышать одну, а записать другую, и на этот раз уверенности не было. Если ехать искать "хренколлектор", то на трех станциях разом. Нельзя сказать, чтобы эта причина стала единственной, скорее всего, действовала их совокупность, но на следующее утро, проводив мальчишек в школу (они учились в своей гимназии и по субботам) Алла не торопилась на поиски квартиры над коллектором.

Чем долее она сидела дома в полном комфорте, пила чай и кофе, тем менее хотелось бежать по дурацкому поручению Шуры Костина. Она откладывала от часа на час, тем временем печатала на почти освоенном компьютере свой перевод. Получалось весьма продуктивно. Алла смотрела в книжку, пальцы бегали по клавиатуре, текст возникал на экране и сам укладывался в строчки и страницы. Потом оставалось проверить опечатки и отредактировать. По сравнению с машинкой результат выходил просто отличным. Ну и Синди МакФерсон оказалась покладистой, была занятой, не злоупотребляла сложной лексикой и подавала рассказ неторопливо, чтобы читатель мог насладиться красотами видов и стиля самой Синди.

Работа бежала из-под пальцев плавно и скоро, как шоссе из окна автомобиля, поэтому телефонная трель прозвучала особенно резко.

– Хорошо, что ты не вышла, – сообщил Миша сквозь помехи. – Я, кажется, нашел твой коллектор.

– Метро какое? – первым делом поинтересовалась Алла, коллекторов по Москве могло быть несколько.

– Кажется, "Сокол", если не "Аэропорт", – сообщил Миша.

– Ты разберись, пожалуйста, – посоветовала Алла.

– Я осмотрелся, – доложил Миша после паузы, в которую врывался транспортный шум. – Точно "Сокол", если отойти от входа и свернуть за угол. Тут торгуют, чем ни попадая, длинные

ряды. Около них три будки. Если из них смотреть прямо во двор, то над подъездом написано крупными буквами "Гидроколлектор". По-моему, твой.

– А зачем ты мой коллектор искал? – поинтересовалась Алла. – Твоя была девушка!

– Я не искал, он сам подвернулся, – ответил Миша. – Я хотел доложить, нашел один телефон в рабочем состоянии, из него усмотрел коллектор. А девушки нету дома. Я позвонил спросить: письмо в ящик класть?

– В какой ящик? – удивилась Алла.

– В мусорный, наверное, – прокричал Миша, слышимость становилась все хуже.

– Клади, куда хочешь! – рассердилась Алла. – То один дурак из этого телефона кричал невесть что, теперь ты! Это что, заразно, или телефон на вас дурно влияет?

– Я ничего не понял, Трехглазка, не надрывайся, лучше приезжай! Метро "Сокол", автоматы за углом, жду тебя здесь! – прокричал Миша и отключился.

"Теперь этот работник метлы будет диктовать, что мне делать", – подумала Алла и стала сворачивать работу. Однако деваться было некуда, Миша обосновался в автомате на углу у станции "Сокол" и не двинется с места до ее появления. Ему требуются инструкции относительно письма. Насчет мусорного ящика это была детская шутка в духе перебранки Кирюши с Дениской. Временами мужчины в ее доме напрочь забывали, что она не мальчик, и никогда мальчиком не была.

Именно эта мысль натолкнула Аллу на ценную идею. Если она занялась неизвестно чем, то не грех переменить внешность и не походить на фоторобот в газете. Джинсы сошли свои, но вот куртку и кроссовки Алла взяла у Кирюши, хорошо, что молодежная мода годилась для обоих полов. Из зеркала в передней на нее глянула подростковая фигурка с гротескной прической. Алла избавилась от шпилек и заколок, завязала волосы пестрой лентой и хвост перекинула на грудь. Для полноты картины на голову она водрузила клетчатую кепку и осталась довольна. Молодежная девочка-мальчик вышла вполне типичная, даже недурная собой. Летние дымчатые очки дополнили картину.

Родные мама с папой Аллу точно не признали бы, но это не показатель, они не видели ее годами. Узнает ли Миша – вот в чем вопрос! Если не сразу, то маскировка годится, но в любом случае создание в детской куртке не похоже на террористку в синем пальто, изображенную в газете.

Алла лихо подмигнула отражению в зеркале, закрепила на поясе сумку и вышла из квартиры вон. Сборы с переодеванием заняли ровно пятнадцать минут и привели в отличное настроение. "Эффект карнавала" – отметила про себя Алла и двинулась на свидание с Мишей.

Для начала она перепутала не станцию, а выход из метро и долго искала угол с рынком, пока не сообразила, что он может быть на другой стороне проспекта.

Правда, когда вышла из перехода на нужной стороне, сразу обнаружила Мишу, он слонялся вдоль торговых рядов, как Карабас-Барабас накануне представления, для полного сходства не хватало плетки и бороды веником. Лоточницы поглядывали на него с тревогой. Алла приблизилась заливчатой походкой, сорвала с носа очки и пропищала тоненьким голосом.

– Дяденька, купите совсем новую азбуку!

– Как ты здесь оказался, оборванец? – прорычал Миша, потом чуть не сел на лоток с молочными продуктами.

(Следует признать, представление доставило Алле большое удовольствие, однако она вспомнила про «эффект карнавала» и прекратила порицать себя за проявленное легкомыслие.)

– Я подумал, что это Кирюшка, и совершенно обалдел, вид Кирюхин, а голос – Денискин! – пояснил Миша чуть позже, когда они обильно извинились перед молочницей и вошли во двор, куда их манила вывеска "Гидроколлектора". – Ты даешь шороху, Трехглазка, хоть бы предупредила.

– Мерси за комплимент, значит на тетку в газете я не похожа, – обрадовалась Алла. – Теперь скажи, что с девушкой и что советуешь насчет коллектора.

– Девушку Катю я вроде нашел, не ее, а квартиру, – доложил Миша. – Похоже, правильно, приклеен экслибрис – ЕМ, я что-то такое помню. Но внутри никого нет, на звонки не отвечают. Тогда я бросил письмо в почтовый ящик на лестнице в соответствии с указанием.

– Какое указание! Зачем ты это сделал? – удивилась Алла.

– Ну, ты сама прокричала: бросай куда хочешь! – ответил Миша обстоятельно. – Я пошел и бросил, пока ты сюда ехала. К ней я ехал на троллейбусе, по памяти. Там был такой круг, от него я танцевал, обратно пошел пешком и нашел тебе хренколлектор, когда звонил, чтобы спросить. Чем ты недовольна?

– А если ты ошибся, и квартира не та? Подумаешь, экслибрис! И не экслибрис вовсе, он на книгах. Кому ты подбросил мой телефон? – не унималась Алла.

– Ну извини, Трехглазка, я хотел, как лучше, – надулся Миша.

– А получилось, как всегда, – Алла не удержалась от цитаты. – Теперь думай, как нам быть в коллекторе у девочек Нины с Ритой, раз мы пришли. Кстати, их тоже может не быть.

– Давай посмотрим, – предложил Миша. – Квартира над вывеской, значит третий этаж, сейчас соображу, куда звонить, поднимемся и узнаем. Я Катю так вычислял, запомнил вид из окон, прикинул подъезд и проверил на двух подходящих этажах. Вроде получилось.

– Ну, это мы увидим, что у тебя получилось, – заметила Алла, оглядывая указанные окна, два из них оказались занавешенными. – Пробуем напролом? Вяжемся, а там посмотрим, кто это говорил?

– Наполеон Бонапарт, с твоего позволения, еще он считал, что большие батальоны всегда правы, а мы с тобой вполне сойдем за воинское соединение, – отозвался достаточно образованный Миша. – Я, как и он, предпочитаю активные действия.

Вдохновленные примером великого корсиканца, они поднялись на третий этаж и с ходу определили правильную квартиру. Она оказалась единственной на нужной стороне. Алла решительно позвонила и долго ждала ответных признаков жизни изнутри. Через какое-то время в квартире завозились, тогда Алла позвонила снова, чтобы показать, что она ждет. Наконец защелкали затворы, дверь приоткрылась, и показалась белокурая, легко одетая девушка. Верхние пуговицы халата были тщательно застегнуты, но причесаться она не успела.

– Да? Кого надо? – спросила Нина или Рита.

– Нину или Риту, если можно, – вежливо ответила Алла, забыв о своем неподобающем виде.

Девушка покрутила головой, как бы отгоняя одну из ошибок: она видела сорванца в кепке, а слышала классную даму.

– Я – Нина, – лаконично отозвалась девушка.

– Извините, пожалуйста, если я вас разбудила, – сказала Алла с необходимой вежливостью. – Мне сказали, что к вам можно зайти и получить что-то из мешка. Должен был зайти один человек, по имени...

– Сейчас, – Нина прервала монолог незваной гостьи и скрылась, не закрывая дверей.

Вскоре девушка вернулась и отдала Алле большой бумажный пакет, плотно набитый бумагами.

– Хозяйка звонила, Рита вам достала и приготовила, берите, это то самое, – объяснила Нина.

– Но мне сказали, что отсюда нужно выбрать, – неуверенно начала возражать Алла.

– Возьмите все, когда выберете, то верните, ладно? – просительно проговорила девушка. – Можно и завтра.

– Спасибо вам большое, – растерянно сказала Алла в закрывающуюся дверь.

– Нет, ты феномен, Трехглазка, – смеялся Миша на площадке второго этажа, где они остановились и изучали пакет. – Ты не поняла, что оторвала девушку от важного дела? Ты бы прямо в квартиру попросилась, разобрать мешок у нее на постели!

– И правильно сделала бы, – слегка обиделась Алла. – Не умер бы никто, теперь изволь раскладывать бумаги на подоконнике. Ты думаешь, я еще раз сюда поеду?

– Совсем не надо, я сам завезу, – вызвался Миша. – Вот будет она одна, я верну пакетик с благодарностью. Девушка хорошенькая, как видно, сговорчивая. А смотреть давай дома, ладно? Я бы постеснялся ее тревожить.

– Очень ты заботливый, – сказала Алла, спускаясь с лестницы. – Но сначала мы толкнемся к твоей девушке.

– Зачем? – удивился Миша.

– Может быть, она тем же занималась, когда тебе не открыла, теперь освободилась, – предположила Алла не без яда. – А если нет, попробуем вызволить записку из ящика. Я не желаю, чтобы мои телефоны болтались неизвестно у кого.

– Хозяин – барин, – согласился Миша. – Давай заскочим, тут рукой подать.

До предполагаемого жилища таинственной Кати они добрались довольно скоро, но толку от повторного визита не оказалось никакого. На звонок в дверь никто не открывал, квартира отвечала полным молчанием, только услышалось, как длинно и безнадежно звонил телефон, девушка явно отсутствовала. Однако почтовый ящик был пуст, там одиноко белел листок их письма, следовательно, хозяйка оставила квартиру недавно. Если, конечно, знать точно, что они звонили в правильную квартиру и пытались извлечь записку из нужного ящика. За непотченным занятием их застала строгая старушка, пришлось ретироваться, не довершив взлома.

Тем не менее половина дела сделалась успешно, и дома после обеда оба сыщика-дилетанта приступили к осмотру добытого пакета-мешка. Собственно говоря, Алла хотела смотреть и искать одна, но Мишу устранить не удалось. Алла напрасно намекала, что изучать чужие секреты она может без него, а последние лучи зимнего солнца располагают к работе на пленере. Но Миша хотел найти улику, ему тоже стало интересно.

Как было указано, Алла вытряхнула содержимое мешка на диван в гостиной и стала прикидывать, какая из бумаг может сойти за улику. Бумажное море, залившее диван, оказалось двух сортов: исписанные и напечатанные листки и множество фотографий разного формата, почти все старые, черно-белые.

Алла решила, что улика находится в текстах и стала их просматривать, испытывая чудовищную неловкость – хорошо, что это были не письма, а отрывки заметок, рецензий и деловой переписки культурного назначения. Среди литературной кухни попадались календари с заметками: «энного без числа пойти туда-то к кому-то. Скорее всего, среди них крылась надобная информация. Алла выбрала из разрозненных бумаг календари и дневники, отложила отдельно и взялась за просмотр, надеясь, что нечто знакомое привлечет внимание. Занятие оказалось нудным, половина, если не больше, записей были нацарапаны кое-как и почти не читались.

Миша пошел другим путем, сначала он ознакомился со связными текстами, потом утомился и стал просматривать фотографии.

– Я понял, – заявил он после получаса бумажной возни. – Это девка та самая писала. Не та, которую мы видели, а хозяйка. Ее писанина, черновики и бред всякий, ее же фотки среди разного общества. Я вычислил, вот она сама, помоложе и постарше, смотри сюда.

– Ну и что? – отозвалась Алла, но посмотрела. – Какая мне разница, кто писал и как она выглядит! И так ясно, что это архив, надо думать, что хозяйки квартиры. Была она ничего себе, пишет бойко, только почерк ужасный. Очень мне надо знать, что она писала внутренние рецензии и ходила в какое-то «Информкино» в апреле забытого года! Не мешай, пожалуйста!

Алла вновь углубилась в неразборчивые записи, предоставив Мише возможность изучать фотоматериал, что он и делал, иногда отвлекая Аллу комментариями.

– Вот она в купальничке, ничего себе была дамочка, с какой-то кофтой на пляже. И в шортиках на рельсах – романтика типа «приезжай ко мне на БАМ», пардон, о дальнейшем умолчим. А вот погляди, бандитский тип – она с ним чай пьет. Тут совсем молодой, – исправно докладывал Миша.

При словах "бандитский тип" Алла встрепенулась, но Миша пояснил, не отдавая фотографии.

– Не настоящий, киношный, – подсадовал он. – Играет в эпизодах отпетых отечественных гангстеров, чем-то на меня похож. Фамилию знал, но забыл.

Ради киногангстера, схожего с Мишей, Алла взяла фото и действительно узнала актера, он сидел в большой компании и пил чай вместе со всеми. А рядом с ним, через одного...

– Миша, драгоценный друг мой, – нараспев произнесла Алла. – Ты куда смотришь, художник? Смотри сюда!

– Я смотрю, но... – начал Миша с недоумением.

– Смотри лучше! – посоветовала Алла. – Убери волосы, очки нарисуй другие.

– Так это твой инженер! – наконец осознал Миша. – Сидит, пьет чай, рядом с хозяйкой архива, только не совсем лысый. А что мне за это будет? Я улику нашел. Без меня ты бы сто лет в черновиках рылась!

– За это повезешь мешок обратно девушке Нине, может быть, она уже освободилась, – пообещала Алла. – Но если улика, что она значит?

– Очень просто, кинобандит, не помню, как звать, он контору и ломанул, – без раздумий сообщил Миша. – Вспомнил роль и обчистил бывшего друга, все верно сходится.

– Нурлан Алибегов его зовут, если не ошибаюсь, и лицо действительно зверское, – почти согласилась Алла. – Не исключено, что ты прав. Только зачем ему эта улика, Шуре Костину? Это раз. А во-вторых, я бы этого Нурлана узнала, даже в маске. Или нет?

– Трудно сказать, – согласился Миша. – Ты припомни.

Алла постаралась, прокрутила в памяти картину ограбления, особо выделяя фигуры налетчиков. Однако главный гангстер в маске плохо вписывался в образ кинобандита Алибегова. Главарь запомнился худым и жилистым с резкими движениями, а Нурлан скорее выглядел большим и широким. Остальные двое участников налета были моложе, а тот, кто командовал, запомнился светлыми холодными глазами, не подходящими для восточного человека Нурлана Алибегова.

– Никак не выходит, – с сожалением призналась Алла. – Не держится твоя версия, никто не подходит. Хотя, конечно, присягнуть на Библию я бы не решилась. Разве что устроить следственный эксперимент: надеть на артиста маску, заставить пройти и тогда смотреть. Маска у меня осталась – тоже улика. Я совсем забыла.

– Давай я надену, а ты посмотришь – предложил Миша с энтузиазмом. – Может сойду за кинобандита.

– Да, теперь понятно, как возникают ошибки следствия, – доложила Алла. – Это называется подгонка под версию. Обычная практика в детективах.

– Ты, Трехглазка, всегда была малость занудой, – огорчился Миша. – С тобой скучно, вечно что-нибудь углядишь – и пропал весь кайф! Поэтому называли, как в сказке, у тебя третий глазок никогда не спит.

– Тоже мне Крошечка-Хаврошечка! – не осталась в долгу Алла. – Когда эта крошечка выросла, знаешь как ее стали звать?

– Как же? – для проформы спросил Миша.

– Большая Хавронья, с твоего позволения, – с удовольствием доложила Алла. – Это Кирюшка вопрос задал, когда я им читала сказку на ночь: «усни глазок, усни другой...» Мы чуть со смеху не умерли. Так что, художник Званский, можешь зваться крошечной Хаврошечкой, а мой третий глазик оставь в покое, будь так добр.

– Ладно, не буду мерять маску, но что делать с фотоуликой? – Миша вернулся к делу и к главной загадке.

– Понятия не имею, – созналась Алла. – Шура Костин, не тем будь помянут, просил разыскать и выбрать – мы исполнили. А может быть, это не то, и надо искать дальше?

– Давай его спросим, – предложил Миша. – Позвони и узнай, скажи, что нашли фото с Нурланом Алибеговым. Надо искать дальше?

– Я бы позвонила, конечно, – согласилась Алла. – Но у него дома скандальная жена, я с ней имела беседу. Она раздумала разводиться.

– Ну это без проблем, я позвоню, спрошу, а там пусть идет в сортир с тобой говорить, – предложил Миша. – Между прочим, за эту улику мы можем спросить некоторый выкуп, с какой стати нам пахать на него даром?

– Твои мыслительные кристаллы заработали в криминальном режиме, – мягко пожурела Алла друга детства. – Звони, вот номер, спрашивай Александра Ивановича.

Миша сделал, как было сказано, и ответ не замедлил. Алла слушала, как подставное лицо задает вопросы: "Когда? И куда? А как с ним связаться?" и ей становилось не по себе все более и более.

– Вот такие дела, – сообщил Миша, когда повесил трубку. – Исчез твой инженер. С концами.

– То есть как исчез? Что с ним? – заволновалась Алла.

– Жена сказала: нету, когда будет – неизвестно, уехал, ничего не сказал. Была довольно вежлива, – пояснил Миша. – Теперь ищи-свищи.

– Вот это номер, – удивилась Алла. – Мы ему улику добыли, а он возьми и пропади. Ничего не понимаю. И не предупредил. Кто теперь докажет, что я его не грабила?

– Никто, – мрачно согласился Миша. – И я толком не знаю, может, и грабила, а мне наплела сорок бочек арестантов. И пакет заставила добывать с какими-то уликами. Инженера, может быть, давно убила и в землю закопала. Вся информация – только на основании твоих слов.

– Стоп, мелькнула здравая мысль! – Алла прервала поток обвинений в свой адрес. – Что я никого не грабила, это я знаю, а вот насчет версии Шуры Костина – одни голословные заявления. Может быть, он водил меня за нос, велел сидеть тихо, ходить для него за пакетом – никто не знает, что за этим кроется. У меня был один источник информации – инженер Шура Костин! Теперь он пропал, а я осталась в розыске с кучей дурацких историй и без разумной помощи! Кроме тебя и мыслящих кристаллов...

– Не паникуй, Трехглазка, – возник Миша. – Ничего не потеряно, тебя пока не нашли, это хорошо. Я, так и быть, буду считать, что ты в ограблении не участвовала. Самое главное, что инженер не подвел тебя под монастырь. Пускай лучше исчезнет. А улика у нас останется. Так и быть, преодолению соблазна и не пойду к девушке Нине, подождет она с пакетом, а то как бы чего не вышло.

– Да, вляпались мы в историю, даже непонятно в какую, – покаянно сказала Алла. – Все очень в ней зыбко, и нет никакого желания копаться дальше. И куда он делся? Может, сбежал от подозрения? Может быть, не сбежал, а его секретно посадили? Или он сам раскрывает преступную сеть, или сплел с самого начала? Просто голова пухнет.

– Это у тебя мыслительные кристаллы не того качества, – посочувствовал Миша. – Ты переводи книжечку, а мы за тебя помыслим. За отдельную плату, со скидкой.

– Вы – это кто? – поинтересовалась Алла.

Часть вторая

Вечер в особняке

Зимним вечером, черным, как ночь, два человека сошлись для разговора в полутемном помещении. Основное здание двухэтажного особняка оставалось погруженным во мрак, лишь в приемной, ведущей в кабинет руководства, на столе горела сильная рабочая лампа и отражалась в полированной поверхности.

Оба собеседника расположились так, чтобы яркие снопы белого электричества миновали их лица, только изредка в круг света попадали руки, тянулись к хрустальной пепельнице и удваивались в блестящем зеркале столешницы.

Фигуры и лица упорно оставались в глубоком мраке, но не в целях маскировки. Пригласивший и приглашенный знали друг друга достаточно хорошо, время от времени у них случались общие дела, хотя ни один из участников их особо не афишировал. И встреча в полутемном элегантном особняке смогла состояться, когда рабочее население конторы разошлось окончательно, а охранники посмотрели сквозь пальцы на пришедшего, не спросили у него никакого удостоверения и не отметили визит в своем грессбухе.

– Подведем некоторые итоги, – сообщил условный хозяин помещения. – Вы активно не советуете, и я понял резоны. Они убедительны, особенно письмо в стихах, полученное недавно. Подумать только, она пишет милые стишки: "Дорогой дружок Валя, я пишу из Тенерифе, здесь на берег набегают изумрудная волна. Пальмы листьями трепещут, снега нету и в помине, а особенно приятно, что повсюду я одна!" Да, девочке надо было отдохнуть.

– Это не все. Пардон, что перебиваю, – заявил гость, пришедший в особняк неопознанным. – Мне не совсем ясно, на каких условиях мы работаем. Если вы поручаете дело мне, то к чему условия о включении в работу нашей прелестной поэтессы? Я бы обошелся без ее участия, если быть до конца честным. Я говорил, что в последнее время она не совсем надёжна, во-первых, потому что переутомилась. Во-вторых, осложнения в личной жизни. В-третьих, она всегда стремится повернуть дело по-своему. Я обожаю мое "прелестное дитя", дружу с ней лично всей душой, но дела предпочитаю врозь. В конце концов она как была, так и осталась дилетантом.

– Милейший друг мой, я не смею возражать, вероятнее всего, что вы правы на сто процентов, я скорее, прошу одолжения, чем предлагаю работу, – напомнил хозяин, но тон просьбы входил в противоречие с высказанным. – Однако хочу повторить просьбу. Мне будет приятно, если переговоры в их представительской части будет вести именно прелестная Катрин.

– А если прелестная Катрин пошлет меня к чертям? – спросил гость.

– Сделайте так, чтобы не послала. Не мне вас учить, любезный "дружок Валя"! – улыбнулся хозяин.

– Тогда мне в принципе ясно, – без удовольствия признал гость. – Объявится человек, и я сделаю, что и как он велит. Платить будет он, говорить станет прелестное дитя, я намерен соблюдать строжайшую тайну и не стану совать нос. Но ручаюсь только за себя, предупреждаю заранее. Что касается милой Катрин, то она в любом случае выкинет какой-нибудь фортель, и я не намерен нести ответственности, будь то в стихах или в прозе.

– Разумеется, – кротко согласился хозяин. – Тем более, что ваши деловые контакты осложнились, не так ли?

– Вы правы, – согласился гость, далее пустился в разъяснения. – Она числилась, как дочернее предприятие, теперь мы решили разделить. Сейчас уточняем формальности, она получает отдельную лицензию по профилю "социальной помощи" и станет действовать само-

стоятельно, хотя мы планируем взаимные бесплатные консультации. В одну телегу, знаете ли, «впрячь не можно коня и трепетную лань», как говорил поэт. У меня частный сыск, у нее дамские проблемы.

– Это вполне разумно. Пожалуй, мы обо всем договорились. Кстати, если возможно, то без необходимости не сообщайте милой Катрин, что поручение исходит от меня, – заметил хозяин на прощанье, провожая гостя к дверям.

– Как получится, – проворчал гость. – Ваша милая Катрин привередлива и может заартачиться. Однако я учту ваше любезное пожелание.

С этими словами гость закрыл за собою высокую резную дверь и стал осторожно спускаться по узкой деревянной лестнице. Благополучно закончив спуск, он расстался с полированными перилами и двинулся к выходу, ворча себе под нос.

– Темнотища, как у негра в анусе, лестницы, коридоры и лабиринты, дьявол знает, куда сейчас повернуть, еще и охрана свяжет, – бормотал он. – Совершенно бесплатно, извольте заметить, ходи тут по ночам, как домовой, плети заговоры и подай ему ассистентку. Совсем охренело ихнее превосходительство, потеряло чувство реальности.

Ткнувшись, как он предвидел, в пару глухих тупиков и закрытых дверей, гость особняка нашел нужное направление и оказался у выхода, точнее, у полированной стойки, за которой маялись двое ухоженных вежливых охранников.

– Вас ждут, – сказал посетителю один из них и указал на затемненную фигуру у высокого окна.

– Весьма польщен, – церемонно обратился уходящий гость в сторону окна. – И чем обязан?

– У меня машина на стоянке, – не представившись, сказал большой парень, продвигаясь к выходу. – Садись, обсудим, времени нет совсем, извини.

– По крайней мере оперативно, – произнес похвалу первый гость и не смутившись направился к выходу.

Комментарии от Екатерины Малышевой (Е.М.) Мороз и солнце

Воркование телефона резко прервалось после второй попытки, и я снова закрыла глаза. В дело включился автоответчик и сообщил абоненту, что "меня нет, пожалуйста, оставьте сообщение после сигнала, в вашем распоряжении одна минута".

"Пускай сообщают, что им вздумается", – отметила я и закрылась одеялом с головой. Время было достаточно раннее, сон пока не выветрился, и сообщения с ним конкурировать не могли. Тем более в субботу, в относительном отпуске. Телефонный аппарат был предусмотрительно унесен на кухню с вечера и поставлен на автоответчик, поскольку ни ночью, ни с утра я брать трубку не желала. Слава великому Богу, прошли времена, когда я вздрагивала от любого звонка и бросалась к телефону в надежде услышать заветные слова: "Прости. Я приду."

С тех пор остались неприятные чувства, направленные в основном на телефон, обманувший мои чаянья. Вследствии чего я сменила аппарат, теперь в доме обитало чудо техники с отдельной трубкой и автоматическим секретарем, он исправно фиксировал сообщения в мое отсутствие. Или потакал лени, как например сейчас, я предпочитала спать и никого не слушать. Однако о главной причуде автосекретаря я ухитрилась забыть.

Если извне приходило послание, то работающий "Панасоник" транслировал его вслух, будь то в отсутствии хозяйки или присутствии, он не разбирался. Наверное, надо было что-то отрегулировать, поскольку звуки знакомого голоса пробудили любопытство и оторвали от сновидений.

– "Мороз и солнце, день чудесный! Еще ты дремлешь, друг прелестный", – пророкотал агрегат голосом недавнего компаньона Отче Валентина. – "Пора, красавица, проснись!" Дальше мы с поэтом на пару, пока хватит твоей минуты. «Открой сомкнуты негой взоры» и непременно появишься для неотложных разговоров. Иначе позвоню опять и буду вновь надоедать! Домой звони, а не в контору. Я буду терпеливо ждать.

Скорее всего, милый друг Отче Валентин продолжал бы нанизывать рифмы бесконечно долго, но минута истекла, и верный "Панасоник" отключил стихоплета от потребителя. Так повелось у нас с Валькой в деловых контактах, что во времена несогласий и неловкости мы переходили на стихи и изъяснялись преимущественно ими. Я даже, было дело, написала Валечке стихотворный привет с Канарских островов, куда летала подлечить здоровье после громкого скандала с компаньоном в сфере бизнеса. В прозе мы решили разделить фирму на верхки и корешки, в стихах оговорили детали и посылно подлатали отношения. При посторонних мы от стихов воздерживались, поскольку понимали, что выглядит это немного странно. Кстати, поэтическое послание с острова Тенерифе было моим последним приветом компаньону, после чего он длил молчание, скорее всего, собирался с рифмами.

И вот объявился в компании с Александром Сергеевичем, чтобы придать себе солидности, я так понимаю. Естественно, сон испарился, я потихоньку встала и не спеша приготовила себе кофе. За окном мела метель и закручивала снежные вихри в соответствии с другим произведением того же автора.

Пышное обращение подсказывало, что Валентин позволил себе оторвать абонентку от утренних снов не просто так, а по неотложной причине. "Будет знать, как совать людям (то-есть мне) в нос некомпетентность и малоумие," – злорадно думала я. – "Попомню ему прощальное слово, а именно "спи друг недалекий"!"

Таким образом чертов сын напутствовал меня на отдых в сказочные Канары месяц с небольшим тому назад. На дорожку Валька перефразировал "Песнь о вещем Олеге" излюбленного автора. Там сказано по причине смерти коня: "Спи друг одинокий! Твой верный хозяин тебя пережил. На тризне уже недалекой..." А компаньон скомкал текст и выдал "недалекого

друга". Мне не удалось достойно ответить, что меня терзало целый месяц на острове Tenerife, где я покрывалась фантастическим загаром посреди зимы.

И вот он появился телефонно, мой милый недалекий друг, я вновь понадобилась, как я понимаю лично, а не по делам разделяемой фирмы. Что ж... Честно скажем, разделить нашу деятельность пора наступила давно, но на все имеются манеры. На то, как разбрасывать камни, и на то, как их собирать. Как делить деньги, персонал и аренду помещения. Опять же признаюсь, что временами я на общем "Аргусе" паразитировала и наводняла своими клиентками его помещения и компьютерную сеть. Однако половину прибыли честно отдавала. И довольствовалась темным закутком на задворках конторы, что сказывалось на бизнесе – ко мне приходили с частными проблемами элитные дамы и, случалось, крутили носами, будучи принимаемы в скромном помещении по соседству с противной Мальвиной, бывшей конторской девушкой. Валентин слишком поздно догадался сменить ее на умненькую Юлю, да и то жена заставила.

Стоп. На Tenerife я побывала, следовательно, незачем возвращаться к прошлым разногласиям и обидам. А то начну вспоминать, как летом меня покинул Гарик, и как плохо я это перенесла, пока не нашла более, чем сомнительное утешение. Сейчас я чувствую себя на уровне, можно отлично ставить условия компаньону, тем более, что я ему занудилась рано поутру.

Прикончивши вторую чашку кофе, я набрала домашний номер Валентина, поздоровалась с супругой Мариной, осведомилась о дочке, затем попросила к переговорам главу семейства. Валька подскочил к трубке мгновенно.

– Ты мне звонил? Чего же боле! – продолжила я пушкинскую тему. – Что я еще могу сказать? Теперь в моей, ты знаешь, воле тебя презрением наказать и продолжать бесстыдно спать. Но будучи великодушной и долгу дружества послушной, я прерываю сладкий сон в ответ на твой ненужный звон.

– Bravo, прелестное дитя, я тронулся до слез, – ответил Валентин в прозе. – Прости, что пробудил так рано, но сообщить приятные новости хочется поскорей. Мы с тобой переезжаем в новое помещение, ты целиком, а я частично. Теперь арендуем флигель, где действовала домовая церковь, тебе причитается половина купола. Будешь принимать своих истеричек в роскошных покоях и платить за аренду со скидкой. Да, еще за компьютер с обслуживанием и за половину Юлочки. Идет?

– Недурственно, – я сухо одобрила роскошные перспективы и запросила уточнения. – Я правильно поняла, что мы будем как две фирмы под одной крышей? И я больше не младший компаньон, а самостоятельная единица со всеми вытекающими последствиями?

– Как было договорено, дитя, видишь, я постарался, – вкрадчиво проговорил Валентин, и я поняла, что это предисловие к основному разговору.

– Рада слышать, – признала я, соображая, как будет исполнена следующая фраза: в стихах или в прозе.

– На сегодня запланировано развлечение, – небрежно произнес бывший компаньон. – Один молодой джентльмен приглашает тебя в модное казино. Зовется "Розентол", так что вставай и собирайся, хватит "приятно думать на лежанке».

Оценив Валькино хладнокровное хамство, я не удержалась и перешла на рифмы.

– Сдается, «ты желаешь в санки кобылку бурую запретить», – сухо заметила я в продолжение первоначальной цитаты. – Таким путем ее развлечь. «Скользя по утреннему снегу, друг милый», уж предайся «бегу нетерпеливого коня», но очевидно, без меня!

– Дитяtko, сделай одолжение, давай похерим пушкинские чтения и потолкуем, как нормальные люди, – взмолился Валька недовольным голосом. – Я каюсь, сам начал, но окажи любезность.

– Какую? – спросила я с долей провокации.

– Многоплановую, если угодно, – объяснил Валька. – Давай заключим соглашения о намерениях. Мы превращаемся в дружественные фирмы, и я намерен просить тебя оказать услугу. Исключительно делового плана.

– Услуга – это звучит гордо, – одобрила я. – Я подумаю, как отдельная фирма. Кстати, кто откликается на кличку Розентол? Твой клиент?

– Ни в коем разе. "Розентол" – это злачное место в районе метро Маяковская, – подробно рассказал друг Валя. – Тебя ждут в 21 час вечера, встретят, накормят ужином и отвезут домой на черном БМВ. Можешь нарядиться сколь угодно роскошно, охрана там на уровне. Имеется рулетка. Заодно поиграешь.

– Заодно с чем? Поясни суть услуги, сделай милость, – я набираю информацию с осторожностью.

– Ты будешь долго смеяться, прелестное дитяtko, – пообещал Валька. – Делать буквально ничего не надо. Только украшать собой общество, чисто декоративная услуга.

– Ты хочешь сказать, что некто пригласил меня в казино в качестве декоративного атрибута? – я немного удивилась.

– Именно. Наверное, у него вкус плохой, – заявил Валька, в плане эстетики он не ставил меня ни в грош.

– Вероятнее всего. На его месте ты бы пригласил Мальвину, однако тебя не послушались. Отчего так? – я открыто закинула удочку.

– Ну, знаешь ли, вкусы не обязательно должны быть хорошими, – Валька попытался уклониться от ответа.

– Да нет, я не о том, – я сочла нужным уточнить. – Я желаю узнать, отчего у тебя деловые интересы потеснили хороший вкус. Сам принес жертву или клиент заказал?

– Дитя, мы с тобой перешли на другой вид деловых отношений. Я не требую, а предлагаю, соответственно, ты думаешь, а не выворачиваешь меня наизнанку тонкими намеками, – напомнил Валька. – Я предлагаю пойти в казино и посидеть с приятным молодым человеком. Что он предложит – дело ваше, меня не очень интересует. А мы с тобой будем делить купол, как юридические лица.

– Извини на секунду, цитирую, – ответила я. – "В своей глуши мудрец пустынный, ярем он барщины старинной оброком легким заменил. И раб судьбу благословил." Значит, казино проходит по ведомству "легкого оброка" за полкупола. Ладно, Отче Валя, действительно, неуместно торговаться в светлый день примирения. А что и зачем – я докопаюсь сама.

– Сколько твоей душе угодно, – туманно заверил Валька. – Теперь позволь малую инструкцию: украшая собой общество и беседу, можешь сочинять, что вздумается, но в одном пункте желательно придерживаться истины. А именно, что ты занимаешься издательским делом, можешь назвать свою контору, повысь ранг до совладельца. В целях декоративности и мирской суеты.

– Считаю, что инструкция состоялась, – согласилась я. – А что за клиент? Как мы друг дружку опознаем?

– Он подберет тебя у входа. Очень большой молодой человек, зовут Володя, – доложил бывший компаньон и добавил. – Надень свою пошлую бордовую шляпку, я ее обозначил.

– Вовсе она не бордовая, а цвета "бургунди", – я почти обиделась за шляпку.

– Это скажешь сама, он будет ждать бордовую, остальное – на твое усмотрение, хоть вообще без ничего, – предложил Валька.

– Я продумаю, – пообещала я, затем уточнила место и время randevu.

В голосе Валентина, пока он диктовал подробности, слышалось облегчение, настолько явное, что я начала жалеть о скором согласии. По всей видимости "недалекий друг" вновь обвел меня вокруг пальца, вернее, "недалеким другом" снова оказалась я, собственной персоной.

На пути порока

Субботнее утро только начиналось, до обозначенного времени оставался практически целый день, и можно было отлично подумать, что означало приглашение в казино, и как подготовиться к этому событию. Рассеянно бродя по кухне, я приготовила легкий завтрак, машинально его съела и лениво взялась за редактирование очередной рукописи.

Издательство “Факел”, где я продолжала по инерции служить, перешло на свободный режим работы. Я появлялась нерегулярно, брала работу и делала в удобное для себя время. Целыми декадами я не вспоминала об основном виде деятельности, но иногда правила рукописи по субботам, ночам и воскресеньям.

Неслыханное удобство, правда, искупалось окладом, мизерным до смешного, я перестала ездить в “Факел” за получкой, а брала деньги, когда появлялась. Младший редактор Вандочка обычно сопровождала денежные выдачи присловьем: ”вот тебе на мороженое и на метро останется.”

Текст отечественной мелодрамы был поистине ужасен, но не отвлекал мыслей, бродивших исключительно по злачным местам. Всяческие вывески с заманчивыми приметами порока бросались в глаза постоянно, однако в реальности посещать ни клубов, ни казино мне не доводилось. Поэтому я легко поддавалась на деловое предложение Валентина, желание заглянуть внутрь казино предстало заманчивым соблазном.

А что касается бизнеса, ну что ж, в казинох посмотрим заодно! И если там станут стрелять, будет даже интересней! Главное – не запоздать спрятаться под стол. Сообразуясь с этим условием, я выбирала вечерний туалет и остановилась на черном костюме с шелковыми отворотами. Юбка по длине и ширине вполне себе соответствовала назначению – позволяла лезть под стол без особых усилий. Тем же принципам отбора подверглась обувь, высокие ботинки обладали устойчивым каблуком и позволяли любые виды передвижений.

Покончив с дневной порцией мелодрамы и обдумыванием формы одежды, я отправилась мыть голову, предварительно включивши автоответчик. Всегда ненавидела беспомощное состояние, когда голова в обильной пене, а телефон обиженно надрывается, и замолкает в момент, когда выпрыгиваешь из ванной и хватаешь трубку.

Не знаю, как происходит с другими, но на меня мытье головы всегда оказывало благотворное действие, мысли включаются быстрее и крутятся в усиленном режиме. Поэтому, вылив на голову полфлакона шампуня, я впала в размышление о предстоящих делах в казино “Розентол”. Какое-то упущение в разговоре с потерянным и обретенным компаньоном начало беспокоить. Скорее всего, что-то связанное с куполами. Да, именно они и повинны. Соблазнившись половиной купола для приема клиенток, я не добавила Вальку и не выяснила, кто заказал мой визит в казино.

Смывая шампунь и троекратно ополаскивая волосы в согласии инструкцией, я в темпе прокручивала в мокрой голове прошлые разногласия с компаньоном и вытекшие из них соглашения о совместной деятельности. После скандала и перед ссылкой на остров Тенерифе мы с Валькой выработали условия мирного сосуществования. Первый пункт соглашения предусматривал невмешательство в дела соседской конторы, вернее исключение “дружеских” услуг в бизнесе. Потому что пару раз дружеская услуга незаметно оборачивалась “медвежьей”, и каждый смертельно обижался, если на то указывали. С деньгами тоже возникала неприятная путаница. Кто пожелает платить компаньону если тот чуть было не испортил дело? Или хуже того, вывернул его наизнанку безо всякой выгоды и даже с ущербом для фирмы?

Исходя из вышеизложенного, Валентин объявил ультиматум: его предприятие – более не палочка-выручалочка, а он обязуется не привлекать меня к своей деятельности без оговоренных условий. Он в рамках агентства «Аргус» занимается частным сыском и легальным крющ-

котворством, а мое подразделение включает дамские проблемы общечеловеческого характера. То-есть, он расследует, я утешаю, и оба обязуемся не "смешивать два этих ремесла". И вот, сегодня с раннего утра Валька влечет меня в свои дела и не оговаривает условий. Мол, иди в казино и действуй там по инструкции, будто я у него служу оперативным сотрудником, помощником старшего детектива. Налицо требование дружеской услуги, от них Валечка презрительно отказывался совсем недавно и нелестно их характеризовал.

Однако меня волновало иное. Как бы поточнее выразиться, но в просьбах и требованиях бывшего компаньона отсутствовала искренность. Если бы он добивался моей помощи, как обычно, то рассыпался бы мелким бесом, каялся в заблуждениях и превозносил мои сыскные способности до небес. При том включил бы личное обаяние на полную мощь и непременно посвятил в суть дела. Валька знал, что доверительность и сотрудничество я ценю более всего остального. Но ничего подобного друг Валя не предпринял. Просьбы и обещания наряду с инструкциями он произнес сквозь зубы, стихи сочинять поленился, кроме как для автоответчика. Неужели друг Валечка меня разлюбил?

Осушив голову и невидимые миру слезы, я покинула ванную комнату и обнаружила, что автоответчик приберег целых три сообщения. Как обычно, стоит приступить к мытью головы, как черт начинает разбирать всех возможных абонентов! Не иначе, как наличествует связь: я сую голову под душ, а родственные и неродственные души мгновенно чувствуют потребность в общении!

Я нажала кнопку и прослушала вести от автоответчика. Один из неслышанных звонков оказался неопознанным, далее следовала Ванда, неизменный младший редактор издательства "Факел", она сообщила, что "деньги твои мелкие давно валяются, скоро инфляция их съест». Третья весточка гласила, что в Москву прибыла безумная девушка, испортившая мне литр крови и деловые отношения с Отче Валентином.

На последнее известие я отреагировала сразу. Отзвонила старой приятельнице и сказала, что с ее подопечной я намерена общаться лишь за деньги, по двойному тарифу, особенно если в услуги будет включено слушание пьесы. Бомбу в портфеле я переживу по обычным расценкам, но за усиленные театроведческие услуги возьму дорого. Подруга юности тяжело вздохнула, пообещала донести сообщение до нестабильной адресатки и неуверенно пригласила меня в гости откусать креветок в салате.

Я с сожалением отказалась от приглашения и от салата, ни креветки, ни милая Владочка Ким меня в данный отрезок времени не влекли, а её сумасбродная подруга просто пугала вне зависимости от того, привезла она бомбу с собой или собиралась смастерить на месте. Хватит с меня этой самой Таньки, пускай бы обратились они обе к доктору, пользы выйдет больше. Владлена снова вздохнула, во всем со мной согласилась, и мы взаимно пообещали держать друг дружку в курсе событий.

После чего я срочно засобиралась в гости к родителям и оповестила их о том предварительно. Из двух зол положено выбирать меньшее, и предпочтительнее отправиться в казино прямо от предков, нежели дожидаться звонка или незванного визита нестабильной Таньки из города "бурга" моего имени, далее черпать последствия. С Таньки, станется увязаться за мной в "Розентол", влезть на игорный столик и произнести разоблачительную тираду экзотического содержания. Недавним летом Татьяна пробовала выступить по радио, куда я привела ее по малоумию. Кузина Ирочка попросила заменить ее на ночном дежурстве, а я пожалела бездомную девку, сбежавшую от Владлены в порыве смутных чувств. В середине сеанса вещания я еле успела выхватить микрофон из рук Татьяны, она желала сказать речь, пришлось звать на помощь двух дюжих радиотехников. Можно представить, какую пламенную благодарность питала кузина Ирочка. Ее едва не уволили, а от эфира отстранили надолго.

Так вот, чтобы не досидеться до катастрофической девушки Татьяны, я решила навестить маму с папой, невзирая на моральный ущерб, который они давно задумали мне нанести. Увы,

прошло полгода, а мамочка не выяснила, как и почему мы расстались с Гариком. Естественно, я посылно противилась объяснениям, и она терпела долго. Я даже подозреваю, что мамуля сунулась за информацией в запретный источник. Во всяком случае, папа сообщил по секрету, что она имела беседу с Еленой Степановной, мамой Гарика и жаждала поделиться со мной. Я избегала душераздирающих бесед и совместных слезопротитий почти полгода, но сколь веревочка ни вейся, а конец неотвратим. Однако я надеялась, что парадный вид, припасенный для казино, смягчит мамино горе и не позволит предаться излишествам скорби. Она снизойдет до понимания, что рвать на себе волосы я не стану при тщательно сделанной прическе, а макияж исключает потоки слез.

В соответствии с этим соображением я быстро снарядилась, раскрасилась, прихватила шубу с указанной шляпкой и пулей вылетела из квартиры. Даже автоответчик оставила отключенным, незачем давать Татьяне лишнюю возможность излагать требования о свидании, пускай слушает обычные длинные гудки. Шубу и шляпу я надевала на лестнице, нервно поглядывая в окошко, не притаилась ли Танька на подходе к дому, а к метро шла дворами по сложному маршруту.

В родительском доме я неплохо провела оставшиеся полдня, папа и вызывающий наряд смогли утихомирить сострадание мамы и низвести пересказ беседы с Еленой Степановной до уровня обыкновенной сплетни. Оказалось, что мама Гарика мне сочувствовала, но просила принять во внимание естественный ход вещей. То есть, что молодому человеку нужна жена, а я на эту роль не претендовала, жила своей жизнью и не попробовала переломить себя. Все справедливо, мамочка вынуждена была согласиться. А когда Гарик встретил, оказывается, молодую достойную девушку, то он поступил честно и порядочно – переехал обратно к маме и стал добиваться благосклонности будущей невесты. К безупречному рассказу у меня нашлось бы две поправки, но не для мамы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.